

doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2019.01.087>

УДК 346.11 + 346.14

А.Ю. ИЛЛАРИОНОВ, старший научный сотрудник,
ответственный секретарь — редактор научного журнала «Экономика и право»
Институт экономико-правовых исследований НАН Украины, г. Киев, Украина
 orcid.org/0000-0003-0985-3838

ПЕРЕГРЕВ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова: наука, отраслевая юридическая наука, перегрев отраслевой юридической науки, наука хозяйственного права, наука гражданского права, цивилистика.

В статье рассматривается негативное влияние науки гражданского права (цивилистики) на правовую систему Украины вследствие значительного перегрева этой отраслевой науки, необоснованного расширения ее предмета и целенаправленного, спланированного отрицания отдельными ее представителями концепции науки хозяйственного права и Хозяйственного кодекса Украины как системообразующего акта относительно всего массива хозяйственного законодательства. Приводятся конкретные примеры деструктивного влияния цивилистики на законотворческую работу.

Концепт данной статьи возник приблизительно в конце 2008 г., когда с новой силой вспыхнула дискуссия (если ее можно считать таковой), аналогичная происходившей в конце 2015 — начале 2016 гг.: о роли хозяйственно-правового подхода в обеспечении экономики (в т. ч. о целесообразности существования Хозяйственного кодекса Украины). В то время перед нашей страной стояло много внутренних и внешних вызовов (кроме, разумеется, военно-политических в современном формате), и давление на правовую систему рассматривалось разве что в ключе засилья иностранных советников сомнительной квалификации. Никто особо и не задумывался, какого свойства еще может быть давление, оказанное в далеком прошлом (например, на заре разработки Гражданского кодекса Украины; об этом далее) и имевшее далеко идущие последствия; некоторым образом, последствия мы ощущаем и сейчас. Дискуссия относительно концепта хозяйственного права, роли и способов участия государства в экономике, сочетания механизмов регулирования и саморегулирования, и прочее, — прямое следствие событий, представших сегодня перед нами в необычном до 2014 г. ракурсе, дополнившем пропагандистскую картину давления РФ на Украину еще несколькими тезисами кроме «одной веры», «одного народа» и т.д. А именно: что наши правовые системы, не смотря на 23 года независимости нашей страны (здесь — по состоянию на 2014 г.), поразительно похожи, и проще стремиться к интеграционным проектам РФ (Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз и пр.), чем кардинально перестраивать всю правовую систему Украины ради «призрачного членства в Европейском Союзе» (как тогда в преддверии Революции Достоинства преподносилось в СМИ).

Отсюда следует, что «одна правовая система» — основание безальтернативного выбора интеграционного вектора в сторону Таможенного союза.

А ведь в процессе работы над Соглашением об ассоциации Украины с ЕС и работы по анализу положений его проекта образца 2012—2013 г. обоснованно напрашивался вывод о незначительности работы по приведению законодательства Украины в соответствие с требованиями формировавшейся тогда системы права Евразийского экономического союза (см. раздел 2 «Правовое измерение преимуществ и рисков относительно интеграции Украины с ЕС и ТС (ЕЭП)»: [1, с. 47—50]). «Незначительные правки» привели бы правовую систему Украины к полному соответствию, в т. ч., с правовой системой РФ с ярко выраженной цивилистической традицией, и мы получили бы ярмо в виде наднационального законодательства, сформированного в рамках упомянутого Евразийского экономического союза. Понятно, с чьим первенством в принятии решений и понятно с чьей взятой как базис правовой системой. Той «незначительной правкой» здесь можно считать необходимость изменения положений ст. 75, 106 и 113 Конституции Украины, которыми не предусматривается передача (делегирование) установленных данными положениями Конституции полномочий органов законодательной и исполнительной власти или их части другим органам (напомним, что согласно уставным и международно-договорным документам Единого экономического союза предполагалось создание органа с наднациональными полномочиями — Евразийской экономической комиссии, которая, по сути, со своими подразделениями и департаментами задумывалась как замена высшим органам исполнительной власти стран-членов такого интеграционного образования). Здесь, безусловно, следует выразить благодарность представителям науки конституционного права за такое положение-предохранитель нашей Конституции. Оно, казалось бы, имело смысл для более четкого распределения полномочий между ветвями власти и сформированными согласно законам Украины государственными органами, а на практике возымело эффект, который еще потребует оценки. Отсюда логичными выглядят дальнейшие предложения Президента Украины к Конституции Украины относи-

тельно закрепления Европейского и Евроатлантического векторов дальнейшей интеграции Украины.

Вообще, тема использования «интеграционного вектора» как средства влияния на внутренние и внешние политические и правовые процессы, в частности, процессы формирования экономического публичного законодательства, — одна из перспективнейших тем для исследований в рамках науки международного хозяйственного права. Мной в этом направлении сделан лишь первый шаг, да и то в приложении к внутривнутриполитическим событиям РФ [2]. Да, мы на своей правовой системе сполна ощутили инструментарий «интеграционного вектора» в исполнении РФ до 2014 г., а с 2014 г. по сей день ощущаем «военно-политический» инструмент принуждения к интеграционному выбору, нужному не Украинскому народу, а военно-политическому руководству соседней страны. Его ведь явно не устроило то обстоятельство, что «уровнем интеграции Украины с Таможенным союзом — Единым экономическим пространством и Европейским Союзом, который отвечает интересам нашего государства и не вредит развитию экономики во время интеграции со странами-участницами обоих интеграционных образований и который позволяет сохранить в некотором целостном виде правовую систему Украины и ее независимость, является зона свободной торговли с обоими интеграционными образованиями» (детальнее об этом: [3, с. 146]).

Естественно, в рамках этих процессов хозяйственно-правовая наука была бы обречена, как ее «сестра» в виде концепта предпринимательского права (и проекта Предпринимательского кодекса) в РФ, на переход от частичной реставрации до полного разгрома и утраты самостоятельности. Сейчас в РФ она рассматривается исключительно как отдельная составная и неотъемлемая часть цивилистики; кроме особняком выделяющихся научных работ, всячески избегаемых при цитировании. Почему так вышло и каким чудом мы этого избежали? Попытаемся далее дать ответ на этот вопрос, исходя из анализа процесса разработки проекта Гражданского кодекса Украины. Попутно ответим и на вопрос: кто виноват?

Указанные процессы, по моему мнению, привели сначала к трениям при согласовании проектов Хозяйственного (далее ХК) и Граж-

данского (далее ГК) кодексов Украины, а потом и к постановке вопроса о несостоятельности науки хозяйственного права (во многом, по калькам соответствующих процессов в РФ более раннего периода). Хотя и дискуссия образца 2008 г., как обычно, свелась к выдержкам из уже известных и несколько замшелых «аргументов» со стороны противников существования ХК, но с подключением административного ресурса — постановки данного вопроса от лица представителей государственных органов. Однако накопленный уже тогда опыт борьбы в данной ситуации помог справиться с подобными проявлениями правовой нетерпимости. Опыт этот был тщательно проанализирован и «кодифицирован» под руководством академика НАН Украины В.К. Макутова для следующих поколений [4]. Конечно, идеологи нападков тоже проанализировали свои ошибки, но, увы, база (основа) осталась все той же — те же аргументы (слегка модернизированные или адаптированные к реалиям 2015—2016 гг.), но при многократном усилении административного ресурса, привлечении «широких масс юридической общественности» (а по факту лиц, аффилированных разными способами — от учеников до деловых партнеров) и представителей Парламента (вспомним знаковое интервью председателя Комитета Верховной Рады по вопросам экономической политики А.В. Иванчука [5]). Только реформирование состава Кабинета Министров Украины в апреле 2016 г. и четкое перераспределение (уточнение) полномочий с отсечением от работы с хозяйственным законодательством сотрудников Министерства юстиции Украины, осуществлявших свою деструктивную деятельность под маркой ... «усовершенствования положений частного права», позволило несколько «остудить» ситуацию. Здесь применена пресловутая Концепция реформирования частного права; причем частное право к хозяйственному, по сути своей — экономическому публичному праву, согласно устоявшейся международной традиции названия данной отрасли? Ответ на этот вопрос остался так и не выясненным ввиду невнятности положений самой «Концепции» и меседжей ее идеологов (о событиях вокруг попытки отмены ХК Украины 2015—2016 гг. детально см. [6]).

Возвращаясь к концепту статьи. Как раз в то время (конец 2008 г.) уже произошли и сумели

укрепиться преобразования, прежде всего, в гражданском обществе, научном сообществе, в юридической науке. Катализатором их стала Оранжевая Революция, но и более ранний период, например, второго президентского срока Л.Д. Кучмы, наложил свой отпечаток — юридическая общественность стала играть в принятии государственных и законодательских решений более весомую роль. Тогда для себя я отметил, что это не последние нападки на само существование ХК и на концепцию науки хозяйственного права как таковую. Излом устоев, реформирование (хоть и частичное, как оказалось) элит во власти не принесли желаемого эффекта ни в научной сфере, ни в ее юридической составляющей (от концепций и идей до ее правового обеспечения), но послужили шансом для реванша сил — антагонистов хозяйственно-правового подхода, идей кодификации хозяйственного законодательства и т. д. Со второй, по сути, попытки, после Революции Достоинства и формирования состава Министерства юстиции Украины из «учеников» и «трансляторов» соответствующих идей, нападки переросли в довольно проработанную стратегию торпедирования Хозяйственного Кодекса образца 2015—2016 гг. Конечно, новое время внесло коррективы. Первая (на ней остановимся по тексту данной статьи подробнее) — кадровая (объективно-временная). Вторая — административно-ресурсная: окно возможностей влияния одной правовой идеологии, например, цивилистической, на принятие государственных решений катастрофически сужается с каждым годом одновременно с взрослением гражданского общества. Третья — концепт науки хозяйственного права не так-то уж и просто побороть. Здесь и упомянутая уже «кодификация» аргументов и приемов для борьбы с явлениями декодификации хозяйственного законодательства, и достаточное количество «носителей» концепта хозяйственно-правового подхода — ученых, готовых активно отстаивать идеи науки хозяйственного права на разных уровнях: в научной литературе, в СМИ, на круглых столах и конференциях, презентациях и прочих мероприятиях. Это важно в том ключе, что аналогичные ресурсы цивилистики тают. С какими аргументами и какими способами выступят вновь противники хозяйственно-правового подхода, покажет время. Анализи-

руя ситуацию, сегодня можно утверждать, что ничего нового придумано не будет.

Высказывалась гипотеза, что институты организации науки создают предпосылки для кризисов, поскольку задают определенные стандарты научной деятельности, предоопределяют инерцию в развитии системы знаний. Истоки этой инерции виделись в системе образования, подготовки кадров высшей квалификации и создаваемом ими феномене «нормальной науки», по Т. Куну. Подобно другим отраслям экономики, темпы развития науки и образования в среднесрочном периоде определяются темпом роста ресурсов, направляемых в эти отрасли. Но в долгосрочном периоде они зависят от инновационной активности, на которую, в свою очередь, влияет качество институтов [7, с. 173]. Так ли это на самом деле? К какому кризису может создать предпосылки наша, например, юридическая наука? Ответ также попытаемся сформулировать в этой статье.

Одно лишь обнадеживает. В обществе (научном сообществе) в момент возникновения декодификационных инициатив развернулась дискуссия. Оказалось, общество не разучилось дискутировать по важнейшим проблемам как социально-экономического развития страны, так и дальнейшего развития ее правовой системы. Вопрос в том, что коммуникативная связь между обществом и властью, связь между результатами дискуссии (оценками, экспертными мнениями, выводами и пр.) и властными решениями (влиянием на содержание проектов нормативно-правовых актов и т. д.) пока что недостаточно налажена. Это показала недавно проведенная «процессуальная реформа», регулярно это демонстрирует «протаскивание» Парламентским большинством в Верховной Раде нужных законопроектов без какой-либо моральной, правовой и политической ответственности, без оглядки на экспертно-научное сообщество, вопреки, например, требованиям законодательства о регуляторной политике. Но даже и такие дискуссии носят местечковый характер: нет глобально-правовой дискуссии о направлении движения правовой системы Украины, естественно, помимо задекларированного и уже сейчас активно практически реализуемого направления имплементации положений Соглашения об ассоциации с ЕС. В прошлом остались попытки разработать Концепцию развития законодательства Украины

и прочие проекты. В принципе, такой «концепцией» в некотором смысле можно считать уже упомянутое Соглашение. О концепции развития юридической науки вообще говорить не приходится. Отсюда и все метастазы по примеру «реформы юридического образования» (попытка установления кастовости профессии юриста и пр.). Также в неудовлетворительном (неактуальном) состоянии находится Концепция модернизации хозяйственного законодательства, разработанная еще в 2006 г. [8], уже не полностью отвечающая социально-экономическим реалиям, интеграционным устремлениям нашего государства и вызовам, в том числе и для науки хозяйственного права. Вызовы 2008 г. и их рефлексия ноября 2015 — апреля 2016 гг. лишь подтверждают данный тезис.

Куда движется наша правовая система? Точка отсчета ясна, цель — не очень. С момента принятия Конституции Украины 1996 г. в научной литературе высказывались предложения о разработке Концепции развития законодательства (всего, а не отдельных его отраслей, или мифических, бесформенных образований — типа частного права, коммерческого права и т. п.). Далее право было поставлено на службу существовавшим до 2014 г. политическим режимам, а «концепция» развития законодательства заключалась в закреплении привилегий и прав некоторых финансово-промышленных и иных групп влияния. А что сейчас? По меткому выражению одного из участников #GlobalVisionSummit (14—16 июня 2017 г., Киев): «Мы сейчас не думаем. Мы реагируем». Реагируем на инициативы декодификации хозяйственного законодательства, «глашатаи инициатив декодификации» реагируют на указания идеологов, учитывают и анализируют реакции на их инициативы и из года в год либо тянут затертые и избитые аргументы, либо маскируют свои действия актуальными процессами евроинтеграции, адаптации, судебной и процессуальной реформ, «гармонизации судебных процессов» и пр. И так далее: реакция на реакцию. Движение вперед? Вряд ли. Сейчас даже на философско-футуристическом уровне отсутствует дискуссия, чем и какого качественного состояния будет право через 10—15—30—50 лет с учетом демографических, социально-трансформационных, экономических, экологических вызовов и научно-технического прогресса.

Кодификация — это более качественное состояние законодательства в отечественной правовой традиции. Но достижением отечественной науки (конечно, под влиянием цивилистики РФ) стал и Гражданский кодекс. Наличие ГК в правовой системе Украины — также традиция. Однако желание необоснованного расширения предмета ГК (а если не получается расширить предмет ГК как Закона, то можно «двигать» и границы данной отраслевой науки), а перед этим — декодификация хозяйственного законодательства и продвижение идеи «самодостаточности специального законодательства», свидетельствуют о значительном перегреве цивилистической (по сути — такой же отраслевой как и хозяйственное право) науки. Симптоматично, что, например, в РФ бизнес, не видя иного способа кодификации кроме «втискивания» всевозможных «нужных» с целью закрепления приобретенного опыта в сфере предпринимательства либо с другими ококоррупционными целями, старается лоббировать наращивание норм ГК РФ до таких пределов, что даже сами ученые-цивилисты признают пагубность такого пути кодификации [9]. Мы обязательно должны идти на поводу у таких идей, которые, к тому же, преподносятся нам как «европейский опыт»? А ведь государственными органами, в частности, отдельными чиновниками Министерства юстиции Украины, пропагандируется именно такой путь: декодификация, включение «полезных» (не понятно до конца, для кого) норм в ГК, а остального нормативного материала — в специальное законодательство (по примеру «предложения» образца 2008 г. о принятии вместо ХК Украины некоего проекта Закона Украины «Об основных принципах хозяйственной деятельности» (комментарий к этому «документу» — вершине цивилистической мысли и потаенных желаний / чайный см.: [10]). Это подтверждение тезиса известного уругвайского журналиста Эдуардо Галеано (1940—2015) о том, что мы живем в культуре упаковки, презирующей содержимое. Интересно ли цивилистов (и связанных с ними нормопроектантов) содержание норм, предлагаемых к декодификации в угоду их «упаковки» в едином ГК? Интересуют ли результаты такого шага?

Из страны не должна уйти способность думать. Это пока главная цель реформ (из тези-

сов заседаний *CEO-Club* [11]). Но мало просто думать, необходимо еще и думать, как реализовать задуманное. Существует ли «концепция» развития отраслевых юридических наук, но не в понимании обогащения новыми знаниями, а в понимании установления диктата и доминирования? Поведение некоторых представителей научной общественности позволяет позитивно ответить на этот вопрос: поиск «слабых мест» в одних науках (с применением административного ресурса) продолжается с целью «отвоевывания» частей предмета у других. Такие «концепции» реформирования «всяческого права» (например, аморфного образования «частное право») рождаются вследствие перегрева. Ниже мы детально остановимся на предпосылках, признаках и последствиях перегрева отраслевой науки.

ГК Украины с изначально деформированным предметом (однако этот предмет регулирования стоит все же считать наименьшим из зол, по сравнению с первоначально «разработанным» проектом) был принят по примеру коллег-цивилистов из РФ. И не смотря на все пропагандистские увещания о «европейскости» нашего ГК (удобный пиар-ход, примененный впоследствии еще не раз), именно эти коллеги были неким ориентиром: начиная с Модельного Гражданского кодекса для стран — членов СНГ образца конца 1994 г., и заканчивая непрекращающимся потоком ссылок на литературу советского периода и современную, вызывающую массу вопросов при определении ее как научной, собственно, как и большинство другой современной юридической литературы в РФ. Здесь имеется в виду тотальный контроль всей науки в РФ (исходя из построенной к 2013 г. модели с одновременным разгромом академической самостоятельности), и особенно юридической и экономической науки. Исходя из этого, мы регулярно можем наблюдать публикации о «развитии туристического потенциала» и его правовом обеспечении в оккупированной АР Крым, исследования по легитимации непризнанных псевдогосударственных образований (и их оккупационных администраций), «инвестиционного климата» оккупированных территорий (например, Абхазии), импортозамещения и пр. То есть, правовая наука в РФ исполняет заказ идеологов государственной машины и может рассматриваться в большинстве своем как

орудие, прежде всего, пропаганды. Допустимы ли ссылки на большинство научных правовых изданий РФ в данных условиях (особенно после 2014 г.)? Вопрос остается на совести тех, кто занимается подобным.

Для целей настоящего исследования я, все же, буду обращаться с критическим анализом к литературе РФ разных периодов. Интересно, что современные цивилисты не очень балуют нас ссылками на научную литературу ЕС и других стран, предпочитая «отделяться» лишь общими обращениями к, например, тексту Соглашения об ассоциации Украины с ЕС во вступлениях к научным работам. Но после — обязательно «дань уважения» классикам советской либо российской цивилистики. Это симптоматично.

Как создавался ГК с деформированным предметом, не отвечающим реалиям общественных отношений Украины начала 2000-х годов, можно узнать из статьи д-ра юрид. наук З.В. Ромовской, непосредственной участницы соответствующих «законотворческих» процессов. Далее языком оригинала: «Чи думала Кузнецова Н.С., яка ножицями вирізала з «Російської газети» цілі Глави з Цивільного кодексу РФ і, наклеєні на аркушах паперу, без перекладу, передавала для комп'ютерного набору? Саме вона почала безпрецедентний, нечуванний за масштабом, принизливий для українців та України плагіат з Цивільного кодексу Росії... Жаль, що послідовники її не забарилися» [12, с. 131]. Действия «последователей» (рекрутов) мы все наблюдали в 2015—2016 гг. Да и современники продолжают засорять «правовой эфир» своими идеями за счет налогоплательщиков ЕС во вред гражданам, субъектам хозяйствования — налогоплательщикам Украины. В 2002 г. С.П. Головатый, Министр юстиции Украины и Глава рабочей группы по разработке ГК, покрывал (выгораживал, поощрял?) «подобную нормотворческую деятельность» (см. статью В.К. Мамутова о перипетиях в работе над редакциями ХК и ГК в 2001—2002 гг. [13, с. 135]) и ... непосредственно спонсировал (в тот момент именно он распоряжался средствами Украинского правового фонда; как известно деньги — это кровь любого процесса, в особенности — законотворческого; отсюда и решающее влияние на соответствующие процессы, в т. ч. в стенах Верховной Рады, плюс админресурс, куда же без него?).

Зачем я привел эти общеизвестные факты? С целью показать сущность законотворческой работы, ее продолжающееся долгоиграющее влияние на современность и, безусловно, будущее, и подходы к такой деятельности ярких представителей науки гражданского права. А будущее каково? Стоит вспомнить, что некоторые участники процесса, в том числе и С.П. Головатый, переключились на, казалось бы, безобидные темы верховенства права, защиты прав человека и другие модные сегодня темы для получения, например, грантового финансирования от институций ЕС. В этом проявились, по меткому выражению д-ра юрид. наук Г.Л. Знаменского, блеск и нищета современной цивилистики [14—16]. И не только современной.

Но в ответ на «копирование» ГК РФ представители цивилистики каждый раз, пользуясь удобным случаем, продвигают тезис о том, что ХК — порождение олигархической системы экономики, красного директората и т. д. (см., например, выступления проф. А. Довгерта в СМИ). Представители науки гражданского права и сейчас не упускают возможности упрекнуть создателей ХК Украины в «совковости» отдельных норм кодифицированного акта. Однако следует учесть, что оппоненты используют этот термин лишь как повод для внесения неоправданных изменений в текст ХК Украины, ослабляя его регулятивный потенциал, направленный на защиту как интересов представителей бизнеса, так и обеспечение соблюдения публичных интересов. То есть тот баланс, который на сегодня обеспечивает ХК Украины, под разными поводами пытаются разрушить. Единственный способ для этого — постоянное извлечение из текста ХК Украины норм, оказывающих существенное влияние на правовое регулирование экономических отношений. Повторюсь, прежде чем вешать ярлыки на ХК, следует вспомнить «природу» создания самого ГК его идеологами и прочими «гуру» (см. выше).

Заслуживает внимания тот факт, что представители науки административного права в целом определились с предметом данной науки и, вероятно, прекратят поползновения в сторону предмета хозяйственного права, что ранее регулярно наблюдалось в научной литературе и, иногда, с «практическими последствиями» (имеется в виду разработка и при-

нятие нормативно-правовых актов в сфере хозяйствования с явным терминологическим административно-правовым окрасом). Наиболее выразительна в этом плане работа д-ра юрид. наук Р. Мельника, не лишенная, однако, «захватнических амбиций». Р. Мельник, определяя предмет административного права на современном этапе развития этой отрасли, включает в него также «отношения, связанные с управлением объектами публичной собственности (публичным имуществом), как-то: ... корпоративными правами государства, АР Крым, органов местного самоуправления» [17, с. 175]. От этого положения и административистам, и цивилистам следует избавиться. Отрадно, что все реже и реже мы наблюдаем научные «химеры» наподобие всяческих концепций «административно-хозяйственного права» [18] и прочих симптомов, возникающих вследствие перегрева науки. Хотя еще 10 лет назад представители науки административного права в научной и учебной литературе указывали на совсем иной (необоснованно расширенный) ее предмет. В него включались отношения, формировавшиеся в процессе государственного управления экономической сферой, в процессе внутренней организации и деятельности администраций государственных предприятий и др. Оправданием этому служила «современная трансформация метода административного права» [19, с. 71, 77—79]. Хотя по всем признакам это было проявлением перегрева науки административного права и желания необоснованного расширения предмета за счет отношений, регулируемых иным отраслями законодательства по простому принципу: если в словосочетании присутствует слово «государственный», то эти отношения, не взирая на их сущность, должны быть административными, хотя по своей правовой природе они могут быть организационно-хозяйственными (управление экономикой), внутрихозяйственными (деятельность администраций государственных предприятий, например). Еще в 2006 г. я приводил аргументы против такой концепции административного права с указанием на излишнее (необоснованное) расширение предмета административного права и потерю внутреннего единства его предмета [20, с. 165]. Кстати, критики хозяйственно-правового подхода указывали на наличие аналогичного обстоятельства в науке хозяйствен-

ного права — отсутствие внутреннего единства, но предмет хозяйственного права не пересматривали с момента реставрации науки на рубеже 1950—1960 гг. Да и нет в этом никакого смысла даже в современных условиях. Рассматривая же указанную работу д-ра юрид. наук Р. Мельника, можно заключить, что наука административного права преодолела этот болезненный период (период искусственного разогрева, но не перегрева) и в целом ее предмет вновь обрел (восстановил) внутреннее единство и уж точно соответствует указанной выше «современной трансформации метода административного права» (с некоторыми, все же, поправками). Цивилистике следовало бы пойти аналогичным путем, путем «скорейшего избавления от разного рода заблуждений и ложных посылок» [16, с. 14].

Метод исследования в большинстве работ по гражданскому праву очень специфичный: известны попытки выхода за предмет данной отраслевой науки, захвата новых «плацдармов», закрепления их в практической плоскости (в действующем законодательстве), что мы можем наблюдать прямо сейчас в процессе процессуальной реформы, например. Но, вместе с тем, наука цивилистики богата догматами, переступать которые больно. Отраслевые исследования приобретают несистемный (хаотичный, но агрессивный) характер, утрачивают логическое единство составляющих предмета, с одновременным необоснованным его расширением и поглотив все возможности для формулирования новизны в рамках предмета отраслевой юридической науки. Конечно, «застой» любой отраслевой науки не выгоден, прежде всего, ее представителям, заинтересованным в увеличении академических часов, утверждения все новых и новых тем диссертационных исследований. То есть, рушатся грани, в которых такая отрасль знаний, может быть, начала бы себя исчерпывать.

Цивилистика в один прекрасный момент превратилась в книжную, кабинетную науку (если хотите, в кафедральную). Все «вновь приобретенные знания» выносились из книг более раннего периода, из переводов и собственной трактовки текстов иностранных изданий, рецепции римских источников (в вольной, опять-таки, трактовке). Закрываясь в кабинетах и на кафедрах, проводя время на тематических конференциях-«междусобойчиках» (с

зачитыванием докладов при явном «интересе» к происходящему на лицах добровольно-принудительно согнанных студентов и зависимых аспирантов, ассистентов, начинающих преподавателей), представители науки гражданского права генерировали модели правового обеспечения новых (рыночных) отношений без исследования этих самых отношений, пытаясь подогнать исследования под «стройные каноны», вооружаясь цитатами литературы советского периода — периода «рассвета цивилистики» (иные науки были под довольно жестким контролем, даже под запретом, как хозяйственное право, например). Ну а те, кто по личным соображениям не приемлет такую литературу, черпали вдохновение из литературы до 1917 г.: находились эквилибристы мысли — сторонники навязывания нам уже «мертвого» римского права. Такие себе «историки права» с лозунгом «к черту прогресс!», ну или «прогресс на службу...» (здесь, прежде всего, господствовавшей в то время партии; все диссертационные исследования того времени начинались с цитирования классиков марксизма-ленинизма, достижений, озвученных на различных съездах и т. д.; и эти люди еще пытаются возглавить процессы рыночных преобразований и евроинтеграции?) ну уж точно не обществу, а лучшим, по мнению цивилистов, представителям в их же лице (и прибыль, и уважение, и награды, и утешение самолюбия, иллюзии причастности и прочее до бесконечности). Здесь уместно воспроизвести такую шутку: историк подобен человеку, который едет в карете по незнакомой местности и, изредка выглядывая в заднее окно, пытается понять, куда же она движется [21, с. 164].

Кому подобен «историк права»? (Не путать с добросовестными представителями науки (а больше — учебной дисциплины) истории государства и права.) «Историк права» — это необычайного усилия тормоз развития правовой системы страны в рамках движения к правовой системе, например, Европейского Союза. Найдется ли сегодня смельчак, который скажет — давайте отбросим все «накопленное» и двинемся далее (будь-то политическая фигура, или человек из ученой среды). Ему (этому человеку) явно не поздоровится, прежде всего, от обладателей контрольных рычагов управления (влияния) наукой и образованием. Чего только стоила рефлексия сис-

темы, выраженная в двух законопроектах о «реформировании юридического образования» путем построения (легализации) в демократическом Украинском обществе элитарной кастовой прослойки «правныкив» (и юристов, как плебса и услуги этих самых «правныкив»). Об этом в СМИ и соцсетях было написано-переписано. Тема потеряла на время актуальность, но проекты и сегодня не отозваны из Верховной Рады. Может, ждут своего часа, когда внимание общества будет отвлечено другими событиями? Например, реформированием «сверху» НАН Украины? Подобный первый законопроект о внесении изменений в Закон Украины «О научной и научно-технической деятельности» относительно оптимизации структуры Национальной академии наук Украины от 17.07.2018 (рег. № 8623), призванный парализовать систему управления Академией, уже зарегистрирован. Дело здесь не в чиновниках МОН. Они НЕ контролируют науку (не науку как таковую, а то, что творится в сфере бесполезных исследований, молчаливого соглашательства и круговой поруки) и бардак в образовании, они его зачастую создают. Именно такими, продвигаемыми в указанных законопроектах, методами. Отсюда и мысли ученых с, так сказать, «высоты лет», которым стыдно быть юристами (по названию соответствующей статьи проф. Б.Г. Розовского [22]). А мне юристом быть не стыдно. Наверное, мне более стыдно быть в XXI веке «правныком». Ведь нормопроектанты с большим скрипом и неохотой все-же причислили ученых к «касте избранных» вместе, разумеется, с работниками юридического образования.

И к вопросу о «политической смелости» в реформировании правовой системы (и сопутствующим ей образованию и науке). Не нашлось же смелости в свое время, например, вместо жития до середины 1996 г. по Конституции УССР, еще в 1991 г. возобновить действие Конституции УНР (мысль эту озвучивали некоторые представители конституционно-правовой науки). А если быть смелее, это целесообразнее было сделать после провозглашения Декларации о суверенитете в 1990 году. И вместе с Конституцией УССР можно было отбросить и советскую систему права, и генерацию знаний ради их накопления, упорядочения по бумажным носителям стройными рядами и колоннами. Отчего же сейчас что-

то начнет меняться? И все это проецируется на современную законотворческую работу! Все подходы, методы, способы «недобросовестной конкуренции», иногда и откровенного передергивания фактов, иностранного опыта и т. п. Здесь должно стать не просто грустно, а страшно за будущее правовой науки, профессии юриста.

Рассмотрим несколько «кафедральных цивилистических мантр». Посетив не менее десятка «мероприятий», посвященных «проблеме» отмены ХК Украины, услышал несколько пассажей, заслуживающих отдельного внимания. Например, о соотношении понятий «коммерческий оборот» и «хозяйственный оборот», а иногда и подмене второго первым. Два эти понятия также плотно «ораторы от практиков и / или теоретиков», ратующих за отмену ХК Украины, отождествляли с гражданским оборотом, настойчиво воспроизводя эту мантру. Поэтому несколько слов о «цивилистических мантрах» в связи с необходимостью определить (отделить) понятие хозяйственного оборота от оборота гражданского. В РФ, например, до сих пор продолжают попытки поставить знак равенства между гражданским и экономическим оборотом. «Гражданский оборот выступает правовой формой, юридическим отражением экономического оборота» (см., например: [23, с. 5; 24, с. 282—283; 25] и пр.) без каких-либо оговорок на несоотнесимость данных понятий и, по сути, отрицание участия публичных образований, в т. ч. и государства, в экономическом обороте. Все же, в последнее время некоторые пишущие (конечно, не из «центра», испытывающего идеологическое и догматическое давление, а с «периферии», если таковой можно назвать, например, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, РФ) стали задаваться вопросом о необходимости пересмотра указанного тезиса [26, с. 879]. Если уж в стране «беспробудной цивилистики» (ее идеалам стараются следовать чиновники нашего МинЮста?) стали задаваться подобным вопросом, или хотя бы ставить под сомнение этот тезис, то, возможно, с отождествлением гражданского и экономического оборотов — перебор. А вот для наших «экспертов-правоведов» из МинЮста (судя из их выступлений и идей, пропагандируемых во всевозможных выступлениях) тут однозначно стоит знак ра-

венства, без наличия каких-либо «мертвых зон» типа хозяйственного оборота и пр.

И еще два слова о «гражданском обороте» в виде отступления: немного о том, как экономико-правовой подход насолил «стройной теории» гражданского оборота. Изучение гражданского оборота как феномена, имеющего экономическое содержание и, таким образом, явления экономического порядка, должно составлять предмет не правоведения, а экономической теории. Между тем экономисты не только не используют понятие гражданского оборота, но и не считают необходимым подчеркивать всякий раз, что они имеют в виду экономический оборот. Гораздо чаще в экономической теории оперируют понятиями «товарооборот», «обращение», «обмен». То, что наука гражданского права почти всегда идет вразрез с положениями экономической науки — не секрет. Напротив, хозяйственно-правовая наука своей основой имеет именно достижения экономической науки, опирается на них и конструирует необходимые механизмы регулирования соответствующих современных отношений, а не отношений римского периода в их вольной интерпритации.

Достаточно дискуссионным является выражение «оборот в гражданско-правовом смысле». Помимо того, что оборот имущественных благ регламентируется нормами не только гражданского права, в юридической литературе высказана точка зрения, согласно которой понятие гражданского оборота, базирующееся на «частноправовом чисто цивилистическом подходе при определении его юридической сущности», устарело, а понятие «частный оборот» необходимо заменить «экономическим» или «имущественным» [27, с. 23]. Существует также позиция, в соответствии с которой категория «гражданский оборот» является экономико-правовой [28, с. 9]. Да, иногда приятно применять против «стройных» цивилистических теорий их же оружие — цитирование. Все же, будем считать, что понятие «экономический оборот» охватывает понятия и гражданско-правового оборота и хозяйственно-правового. И «водораздел» здесь, если о таком вообще можно говорить, проводится по субъектному составу отношений: кто именно из субъектов вовлечен в соответствующие отношения — гражданин или субъект хозяйствования? И каковы их цели при вступлении в

соответствующие отношения? Едва ли можно привести пример, когда вещь может быть предметом гражданского оборота, но не может быть предметом оборота хозяйственного. Но есть масса примеров, когда вещь может находиться в хозяйственном обороте, и не факт, что может — в гражданско-правовом. Хозяйственному обороту и вещам (лучше сказать, имуществу), обращаясь в нем, присущи такие, например, свойства как опт, крупные партии, орудия производства, если хотите, топливные ресурсы, химические вещества и реактивы и т. д. Гражданско-правовой оборот вещей сконцентрирован на удовлетворении личных потребностей граждан и их жизнедеятельности. Хозяйственно-правовой оборот, прежде всего, нацелен на удовлетворение потребностей производства (воспроизводства) и распределения, по отношению к гражданско-правовому обороту он первичен. Вещи вовлекаются в гражданский оборот как правило в результате их создания (производства), не возникают «ниоткуда». Об этой «особенности» принято умалчивать.

Консерватизм (или банальная неспособность) ГК в урегулировании отношений имущественного оборота во всем его разнообразии приводит к массовому изданию нормативных актов, регулирующих товарное обращение «вне предмета» ГК. Развитие рыночных отношений переместило центр тяжести хозяйственной деятельности с непосредственного производства на торговые операции (конечно, «реформы» последних двадцати лет привели к массовой деиндустриализации и к прочим негативным явлениям в экономике Украины, прежде всего, в ее промышленном, производящем секторе). По мнению многих специалистов коммерческого права, торговый оборот начинается с продажи изготовителем произведенного им продукта [29, с. 46]. А всегда ли в современных условиях предприниматель продает именно свой, собственными средствами произведенный продукт? Несложное исследование покажет нам, сколько субъектов хозяйствования являются товаропроизводителями, а сколько занимаются импортом и продажей в розницу импортных товаров. И все станет на свои места.

Но зачем вычленять отдельно составляющую хозяйственного оборота? С какой целью? Понять можно образовательную цель: скон-

центрировать внимание студентов, углубить (закрепить) их знания именно об этой составляющей хозяйственного оборота. И не более. При этом сами цивилисты признают (к этому вопросу мы еще вернемся), что, например, «попытка решить задачи торговой деятельности в рамках Гражданского кодекса не обеспечивает эффективного регулирования ни торговых, ни гражданских отношений» [29, с. 48].

Будем считать это первым примером «несмелого» прошупывания мертвых зон, не охваченных гражданским правом, и, соответственно, законодательством в рамках «всеобъемлющего» ГК будь то РФ, будь то Украины.

В действительности же практика требует иного подхода. И вот пример. На рассмотрение Верховной Рады Украины внесен Законопроект № 3132-д от 21.10.2016, которым предложено исключить из ст. 191 ГК Украины часть 3, которой установлено, что предприятие как единый имущественный комплекс является недвижимостью. «Эта норма давно вызывает нарекания, поскольку предусматривает двойную регистрацию недвижимости в составе предприятия — во-первых, собственно недвижимость, во-вторых — в составе ЕИК (единого имущественного комплекса). На самом деле никакой пользы от этого нет, только вред. Мировая практика не знает подобного подхода: предприятия как единые имущественные комплексы не считаются недвижимостью (тем более что ЕИК может вообще не включать недвижимости — например, развозная торговля, адвокатская, врачебная, нотариальная практика и т. д.). Поэтому сохранение нормы только задерживает интеграцию Украины в мир в целом, и в Европу, в частности. Учтено также, что вопрос государственной регистрации — не предмет ГК, он регулируется специальными законами». Позицию создателей надо приветствовать стоя! Наконец-то «прибита» цивилистическая идеологическая мантра в споре с представителями науки хозяйственного права о сущности понятия «предприятие». И обосновывается это, по мнению авторов проекта, европейским и мировым опытом! Получается, в аналогичной статье Хозяйственного кодекса учтен европейский и мировой опыт подхода к урегулированию данного вопроса? Решением профильного Комитета Верховной Рады Украины по вопросам экономической политики от 19.10.2016 проект рекомендован к приня-

тию за основу в первом чтении, ждал своего рассмотрения «в очереди» (на скорости принятия важных законов «экономического блока» остановимся подробнее далее по тексту статьи), но так и не дождался... Проект был снят с рассмотрения 20.03.2018.

Здесь важно отметить еще один фактор, влияющий на искажение всей системы права Украины из-за перегрева науки гражданского права. Наука гражданского права Украины во многом ориентирована (в том числе в применении излюбленного метода цивилистов при ведении любой дискуссии — удачного расставления ссылок на классиков как советского периода, так и современного идеологически зашоренного периода развития науки гражданского права в современной РФ) на сомнительные «достижения» цивилистики РФ, одним из основных достижений которой является «успешная критика» хозяйственно-правового подхода (или даже борьба с хозяйственно-правовым подходом!).

Приведем пример перегрева. Достаточно прочесть лишь название очередного творения: «Концепция гражданских организационно-правовых отношений: исторический аспект». Занавес. Работа размещена в разделе «Трибуна молодых ученых» в журнале «Академический юридический журнал» [30]. Интуитивно «молодой ученый» нащупал некую сферу отношений, не укладывающуюся ни в один цивилистический канон, также не стыкующийся с административно-правовыми догмами правовой науки РФ. «Зашоренность» автора цивилистическими мантрами заставляет его (или его научного руководителя — наставника) искать некие акробатические приемы, позволяющие «по новому» и в историческом развитии взглянуть на нечто видимое, но не подвластное гражданско-правовому методу регулирования. При этом, вся работа молодого ученого строится на двух не совсем удачных, «поисковых нового», «экспериментальных» работах проф. О.А. Красавчикова с присущими цивилистам передергиваниями и собственными интерпретациями прочитанного материала авторства указанного видного ученого [31, 32]. Это как раз случай, когда неудачные пассажи о «коммерческом праве» могут привести к таким же последствиям (работам молодых ученых). В целом, анализировать смысл данной работы Н.П. Юрзина нет резона, ибо она по-

строена в классическом цивилистическом жанре изложения материала: ссылка на ссылке после удачной ссылки. Естественно, без анализа практики или опыта правового упорядочения этих самых организационных отношений в экономике. Данная работа важна как пример, как тенденция развития современной науки РФ и пренебрежения ее достижениями при навязывании их нам нашими же отечественными цивилистами.

Организационные договоры в научной литературе (прежде всего, опять в российской) принято относить к «институту нетипичных договорных конструкций», который возник вследствие «динамичного развития рыночных отношений, гражданского общества, предпринимательской сферы». Использование термина «нетипичный» применительно к договорам является спорным, в юридической литературе отмечается существование нескольких возможных вариантов его толкования. Исходя из определения понятия «типичный», можно понимать указанный термин как «отклоняющийся от типа, не подходящий ни к какому типу» [33, с. 81]. Именно «нетипичные» договоры, не поддающиеся урегулированию с помощью гражданско-правовых методов, составляют значительную часть договоров хозяйственных. Иные хозяйственные договоры «приватизированы» цивилистами. И процесс «приватизации» продолжается и сейчас, подыгрывает ему декодификация хозяйственного законодательства, чем отечественные цивилисты и пользуются.

Вот еще один пример интуитивного «нащупывания» того, что не подходит ни к какому типу, исходя из цивилистических мантр относительно формирования договорного права только лишь в рамках права гражданского. У этого ученого (Е.Ю. Сафонов) есть еще одна публикация, посвященная «нащупыванию нетипичного» в гражданском праве [34, с. 48]. В начале работы он отмечает (с помощью излюбленного метода «удачной ссылки» при проведении гражданско-правовых исследований), что в гражданско-правовой науке еще не сложилось единство взглядов относительно допустимости и обоснованности дифференциации на имущественные и организационные [35, с. 53]. Это единство не может сложиться с 1980 г. (судя по дате публикации работы Н.В. Васевой) — «золотого периода» советской ци-

вилистики. Такое единство взглядов не может сложиться в принципе, так как противоречит некоторым фундаментальным гражданско-правовым устоям, например, неприкасаемого равенства сторон в договорных отношениях (согласно хозяйственно-правовой концепции субъекты хозяйствования и иные участники хозяйственных отношений этой догмой не связаны). Как бы не «изворачивались» в мыслях и домыслах цивилисты, но догма есть догма, даже если она работает против науки гражданского права в ее стремлениях «захватить» бóльший круг вопросов («объять необъятное» подражая Козьме Пруткову). К чему я привел здесь этот пример? Да к тому, что относительно современные устои и доктрину гражданского права легко можно подвергать сомнению, вооружившись лишь догмами самого гражданского права, что будет полезно в дальнейшей дискуссии с цивилистами и их рекрутами. Вообще, сам термин «организационно-гражданские отношения» должен приводить к диссонансу со всей цивилистической теорией, но желание застолбить чисто хозяйственно-правовой вопрос возобладало над логикой тогда (в 1970—1980-х гг.), и сейчас, поскольку в 2009—2012 гг. опять «ростут» как грибы подобные «научные» работы. Но при этом, таких работ довольно много было опубликовано как в научной литературе советского периода (на основе всем известных работ проф. О.А. Красавчикова и проф. С.Н. Братуся; особняком здесь стоит проф. О.С. Иоффе, не очень почитаемый цивилистами в этом вопросе, поскольку критикуя признает наличие хозяйственно-правового подхода к этому вопросу), так и в современной российской «научной» литературе (слово «научная» намеренно взято в кавычки, исходя из отмеченной тенденции в российской правовой науке начиная с 2014 г.). Только вдумайтесь в этот пассаж: «организационный же договор не направлен на передачу имущества, оказание услуг, выполнение работ. Своей целью он ставит выработку условий для длительного партнерства и сотрудничества сторон, планирование, согласованность и регулирование совершаемых в дальнейшем имущественных операций, или же формирующие социальные образования». Конечно, в этом плане наши отечественные цивилисты «значительно отстают», что, как ни парадоксально, делает им честь. Дальше боль-

ше. Оказывается, «организационные договоры были известны еще римским цивилистам (интересно, а планирование им тоже было известно? Думаю, если сильно изголиться в подобном жанре, то ответ на этот вопрос будет положительным — *авт.*), которые выделяли несколько видов таких договоров и определяли их правовую конструкцию, хотя понятия «организационный договор» в тот период еще не существовало, что позволило нам (уже нам, а не римским цивилистам — *авт.*) отнести данные договоры к безыменным. В последующем учение об организационных договорах стало бурно развиваться (интересно, где? — *авт.*), большой вклад внесли в его развитие советские ученые-цивилисты» [34, с. 51]. На лицо не только уже рассмотренное нами жонглирование европейским опытом, но и римским правом: римляне не знали, но выделяли, а если не знали, то мы их дополним! Ссылку на первоисточник, естественно, никто не удосужился найти, при этом удачно применяется уже отмеченный прием цитирования сотоварищей по «цивилистическому цеху». И попробуйте доберитесь до оригинала (нормативного акта) или, хотя бы, до работ ученых тех лет, которые «не знали понятия, но выделяли организационные договоры и их отдельные виды». И как после этого можно вести дискуссию с современными цивилистами, ориентированными, по сути, на опыт РФ, не взирая на риторiku об их «роевропейскости», и их «рекрутами», когда они лишь нащупывают и не в состоянии объяснить явления в экономике и праве? Зачем, если наука гражданского права не может обосновать и предложить решение проблемы, разогреть ее (науку) «интуитивными поисками» и необоснованным расширением предмета как науки, так и законодательства (в частности — отечественного ГК)?

По этому поводу российские коллеги начинают задаваться логичным вопросом. По мнению некоторых юристов, например, трудно представить гигантский ГК, поглотивший все законы, принятые в его развитие, поскольку пользоваться им, применять его на практике было бы неудобно, а значит и малоэффективно. Отсюда следует предложение «разбить» кодекс на отдельные крупные кодификационные блоки: кодификационные акты по крупным правовым блокам гражданского законодательства, например, Акционерный кодекс

или Кодекс законов об интеллектуальной собственности [36]. То есть, в РФ пошли по пути создания «великого и могучего» ГК, который в итоге «распух» до невероятных размеров, и логично, собирается «лопнуть» на кодифицированные части. Это ожидает и нас, если мы пойдем по пути декодификации хозяйственного законодательства и наполнения ГК не свойственными его предмету нормами. Подобные мнения об акционерном, инвестиционном кодексе уже звучали в отечественной научной литературе. Только при чем здесь нормы инвестиционного, акционерного законодательства или законодательства о банкротстве к гражданскому праву?

Отпечкование от базовых кодификационных актов отдельных правовых институтов не только плодит новую множественность актов, но и — что еще более существенно — наносит серьезный ущерб единству, целостности наших главных кодификационных законов, составляющих саму основу системы законодательства (правовой системы Украины). К подобной практике необходимо подходить чрезвычайно осторожно и взвешенно, если мы не хотим по кусочкам растащить кодифицированную материю [37, с. 38]. Этот контраргумент проф. Т.Н. Рахманиной (признанного классика теории кодификации) стоит напомнить не только цивилистам, пытающимся «растянуть и отпечковать» по новым кодексам и законам отдельные нормы Хозяйственного кодекса, но и многим юристам-хозяйственникам, отстаивавшим в свое время принятие законов об акционерных обществах и об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью с одновременным исключением соответствующих положений из ХК. Здесь, в прочем, нет ничего страшного. Утрата, в связи с принятием указанных выше законов Украины, нормативного материала для ХК будет чувствительной, но не критичной. «Обкатанные» практикой и приведенные к устоявшейся редакции законы (и не только названные выше) представляют ценный нормативный материал для дальнейшего включения этих нормативных актов в новую редакцию ХК (в рамках реализации положений Концепции модернизации хозяйственного законодательства на базе ХК Украины) [38, с. 77—81].

К чему же приводит все описанное выше? В чем конкретно выражается перегрев отдель-

но взятой отраслевой юридической науки? Как он влияет на законотворческую практику? Рассмотрим несколько примеров. Реформы — всегда хорошо, если, конечно, они не имеют контрреформистского содержания. В погоне за реформами в отдельных сферах и в преследовании собственных интересов законопроектанты-«реформаторы» наносят ощутимый вред внутреннему единству хозяйственного законодательства, в том числе и ХК. Как прекратить такие «декодификационные» явления? Вообще вопрос борьбы с проявлениями декодификационных устремлений отдельных законопроектантов и их идеологов относительно хозяйственного законодательства для науки хозяйственного права суперактуален. Казалось бы, мы прошли сложный период в ноябре 2015 — апреле 2016 г., и большинство идей относительно «дерибана ХК» (по меткому выражению академика В.К. Мамутова) было перекрыто, но с началом осени и нового сессионного сезона в Верховной Раде 2019 г. (а там и начало выборного сезона) следует ожидать реинкарнации уже давно забытых законодательных инициатив, похороненных некогда экспертной средой, как вносящих беспорядок в действующее законодательство и отражавших чьих-то узкокорпоративные интересы. Неудивительно, что «законопроектное внимание» народных избранников касается спекулятивно-коммерческого сектора экономики (услуги, рынок ценных бумаг и т. п.), но не касается важных вопросов развития (выхода из кризиса) базовых (в т. ч. производственных, производящих) отраслей: строительства, энергетики, угольной промышленности.

Свежий пример. 03.09.2018 на рассмотрение Верховной Рады Украины группа народных депутатов внесла Проект Закона о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения привлечения инвестиций и внедрения новых финансовых инструментов (рег. № 9035). В нем, среди прочего, предложено, под «соусом» упрощения привлечения инвестиций, нанести значительный ущерб хозяйственному договорному праву путем почти полного исключения из ХК Украины ст. 181 «Общий порядок заключения хозяйственных договоров». Соответствующую норму ХК предлагают заменить уже давно затертой концепцией «отсутствия особенностей хозяйственного договорного права» перед ци-

вилистическим аналогом. Предложено, что «хозяйственный договор заключается в порядке, установленном Гражданским кодексом Украины с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Кодексом». Интересно, какие «особенности» заключения хозяйственных договоров останутся после этого и других изменений? Непонятно, какой такой ущерб наносит данная статья привлечению инвестиций и функционированию рынка ценных бумаг в Украине? Чьи узконаучные или узкокорпоративные интересы преследует данный проект? Еще предложено изменить Главу 17 «Ценные бумаги в хозяйственной деятельности» по аналогичной схеме со ст. 181 — исключив нормы и одновременно установить отсылочные нормы в стиле «Регулирование отношений, возникающих при эмиссии и обращении ценных бумаг, устанавливается Законом Украины (далее любое название нормативно-правового акта)». Это хрестоматийный пример снижения регулирующего потенциала ХК. Конечно, никакого анализа регуляторного влияния таких изменений и выделения проблем, которые приносит фондовому рынку наличие в ХК ст. 181 и главы 17, в сопутствующих материалах (например, в пояснительной записке) не приведено, что уже стало привычным явлением. В конце декабря 2018 г. авторитетное международное агентство *Bloomberg* назвало украинский фондовый рынок самым быстрорастущим в мире. Так зачем трогать правовое обеспечение того, что так динамично развивается уже на основании существующей нормативной базы? Не дает покоя кому-то наличие самостоятельного хозяйственного договорного права.

Идея лишения ХК регулирующего потенциала относительно хозяйственных договоров не нова: попытка «протянуть» аналогичные изменения уже была. 20.11.2015 в разгар кампании по дискредитации ХК со стороны некоторых должностных лиц Министерства юстиции Украины, аффилированных «экспертов» и представителей «бизнес-ассоциаций», на рассмотрение Верховной Рады Украины был подан Проект Закона о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно регулируемых рынков и деривативов) (рег. № 3498), который затрагивал почти такой же круг вопросов, как и проект № 9035, и прошел первое чтение. Однако, по

заключению Главного научно-экспертного управления Верховной Рады 09.12.2015 «предложенный в проекте вариант внесения изменений в Хозяйственный кодекс Украины, согласно которым, в частности, из него полностью исключаются глава 17 «Ценные бумаги в хозяйственной деятельности» и пункт 4 «Биржевая торговля» главы 30 «Особенности правового регулирования в отдельных отраслях хозяйствования» нарушает внутреннее единство ХК как системного законодательного акта, в котором комплексно регулируется весь массив хозяйственных отношений. По мнению экспертов, более удачным вариантом внесения в него соответствующих изменений было бы сохранение в названных подразделениях ХК Украины статей, в состав которых входило бы определение общих понятий в этих сферах и ссылки на специальные законы, регулирующие общественные отношения в упомянутых сферах». Проект № 9035, помимо прочего, имеет тот же недостаток: нарушение внутреннего единства ХК. Несмотря на то, что проект № 9035, поданный представителями Парламентской Коалиции фракций (это должно наводить на мысль о высоких шансах его принятия в качестве Закона Украины) имеет сверхнизкие шансы прохождения именно «экспертной» составляющей законотворческого процесса. И нужен ли такой закон вообще, вопрос открытый. Создатели проекта № 3498 написали и проект № 9035. Разве недостаточно ясно Главное научно-экспертное управление еще в 2015 г. разъяснило ситуацию с внесением необоснованных изменений в ХК? Кстати, уже в современном заключении Главное научно-экспертное управление Верховной Рады от 17.09.2018 дополнительно указало, что значительная часть положений проекта дублируют аналогичные положения не принятого 03.07.2018 проекта Закона Украины «О рынках капитала и регулируемых рынках» (рег. № 7055-д от 19.06.2018). Главное управление также уведомило субъектов законодательной инициативы о замечаниях и предложениях к проекту Закона № 7055-д, которые были проигнорированы народными избранниками. Как можно расценивать такие действия народных депутатов, как не «законотворческий спам»? Да еще и с достаточно серьезными последствиями.

В отечественной законотворческой практике принято: «в любой непонятной ситуации

апеллируй к европейскому опыту». Это с расчетом, что никто этот опыт (законодательство ЕС) не изучал? Так и с проектом № 9035, в Пояснительной записке к которому есть ссылка на положения Соглашения об ассоциации с ЕС и директивы ЕС. Возникает вопрос, где в Соглашении об ассоциации ЕС есть обязательства отменить ст. 181 ХК и отдельные его главы? Так ли уж положения этой статьи и глав ХК диссонируют с положениями указанных авторами нормативных актов законодательства ЕС? Конечно, нет. В упомянутой Пояснительной записке обоснования, конечно, радикального изменения сути нормы ст. 181 ХК мы не находим, как и обоснования отмены целых глав ХК. Можно много говорить о «жонглировании европейским опытом», но на эту тему я уже высказывался неоднократно в СМИ (см., например, [39, 40]), повторяться не позволяет формат данной работы.

В научной литературе и СМИ отмечено, что под эгидой адаптации отечественного законодательства к нормам и правилам ЕС решаются и другие вопросы, которые имеют либо коррупционную окраску, либо служат инструментами сведения определенных околонучных счетов и реализации нездоровых амбиций. Но «европейский опыт» идет несколько иным путем, не в последнюю очередь из-за чего так и не появилась возможность принять хотя бы рамочный Гражданский кодекс ЕС. Хозяйственный оборот легко унифицировать, а для гражданского оборота (обращения товаров или услуг только между гражданами, согласно классическому предмету науки гражданского права, а не согласно деформированному его аналогу в современном ГК Украины) характерны почти непреодолимые традиции в каждой стране ЕС. Пример «европейского опыта». Еще в 2015 г. группа юристов и экспертов, в т. ч. из Министерства юстиции Латвии, пришла к выводу о необходимости дополнения именно Коммерческого закона разделом о коммерческих сделках. По мнению инициаторов, регулирующее воздействие Коммерческого закона (не путать с нашим извращенным восприятием термина «коммерческий») без части о коммерческих сделках будет неполным. Главной задачей коммерческого права (в Латвии, конечно) признано упрощение и ускорение коммерческого оборота, и параллельное обеспечение стабильности этого обращения. Кстати,

в преамбуле ХК задекларированы почти такие же цели! Далее. Условия о сделках в Гражданском кодексе Латвии, касаются ... всех субъектов права, в основном — частных лиц, которые не являются коммерсантами (субъектами хозяйствования в нашей правовой традиции). То есть, по результатам дискуссии в Латвии пришли к выводу о необходимости отдельного (специального) регулирования хозяйственного (коммерческого) оборота. Мы пойдем обратным путем?

И еще немного европейского опыта. Почему я обратился именно к договорному праву, подчеркивая его важную роль в кодификационных процессах европейского законодательства? Во-первых, я хотел показать, что европейская академическая правовая среда не смогла выработать ни читабельного проекта кодекса европейского договорного права, ни единого европейского гражданского кодекса, даже в теории или на уровне более-менее обстоятельной концепции, признанной институциями ЕС как рабочей. Во-вторых, вот он, европейский опыт без прикрас, говорит нам об ограниченных возможностях инструментария гражданского права в упорядочении «всех без разбору отношений» в экономике. Этот опыт нам также подсказывает, что договорное право в большинстве случаев рассматривается ... вне гражданского права даже в академической среде на уровне теорий и концепций! Где тогда место договорного права ЕС?

А что же с «европейским гражданским правом» ЕС? Конечно, серьезным испытанием для создания единой системы гражданского права ЕС может стать английское обычное право. Однако после референдума, проведенного в Великобритании относительно выхода из ЕС (*BREXIT*), данная проблема, возможно, потеряет былую остроту, что, по моему мнению, сможет несколько продвинуть этот процесс. Выделяются в европейской правовой науке две школы, касающиеся проблемы унификации европейского права, — оптимисты и пессимисты. Главным оптимистом назван Рейнхард Зиммерман, директор Института Макса Планка в Гамбурге, специалист по германскому гражданскому праву, автор многочисленных работ (в том числе статьи «Европейский характер английского права»), в которых проанализированы достоинства континентального и английского права. Лидером школы пессимистов

симистов назван профессор Пьер Легран, преподававший ранее в Гамбурге, а в настоящее время — в Париже. По происхождению он канадец, хорошо знаком с правом французских канадцев (которое исторически было основано на французском праве), а также с общим правом своих англоговорящих соотечественников. Его позиция заключается в том, что правовые системы, несмотря на то, что они находятся по соседству внутри Европейского Сообщества, «никогда не смогут сблизиться, как бы это ни было желательно, поскольку глубокие различия, существующие между обычным правом и гражданским правом на эпистемологическом уровне, непреодолимы» [41]. Стоит ли говорить после этого о создании Единого Гражданского кодекса ЕС? Едва ли. Зачем нам тогда «навязывают» мысль о возможности все урегулировать в рамках ГК, если европейский опыт говорит нам о практической нереализуемости в обозримом будущем такого шага? В отличие от хозяйственного законодательства ЕС, которое, можно сказать, формируется в соответствии с законами экономики, не знающими национальных особенностей и границ в условиях глобализации. Хозяйственное законодательство в этом плане в большей степени адаптивно к глобализационным процессам, что мы можем видеть на примере попыток создания единого договорного права ЕС (вне гражданских кодексов) или развития права международных организаций (здесь, например, право ВТО). А у нас именно в процессе «имитации дискуссии» относительно отмены ХК всплыл вопрос о том, что специальное регулирование договорных отношений не является нужным практике и можно обойтись лишь общими нормами Гражданского кодекса. Все это свидетельствует о банальной невозможности доказать на практике целесообразность формирования европейского договорного права в структуре, например, единого европейского гражданского кодекса. Тогда зачем нужно «втискивать» в ГК Украины хозяйственное договорное право, оставляя в ХК лишь отсылочные нормы? Зачем идти «против ветра» и европейского опыта? Негативный опыт в невозможности создания Европейского Гражданского кодекса тоже опыт, и мы обязаны его учитывать. Инструментарий же науки хозяйственного права предоставляет нам возможность урегулировать

весь спектр хозяйственных договорных отношений по принципу «как они есть», с выделением возможностей формулировки любых положений договоров при соблюдении крайне широких ограничителей такого поведения для субъектов.

Гражданско-правовая наука тоже не «сидела сложа руки» и, «унюхав» подобную тенденцию, попыталась сформулировать свое видение ситуации. Результатом стало крайне неудачное положение ч. 3 ст. 6 ГК о том, что (далее языком оригинала) «Сторони в договорі можуть відступити від положень актів цивільного законодавства і врегулювати свої відносини на власний розсуд. Сторони в договорі не можуть відступити від положень актів цивільного законодавства, якщо в цих актах прямо вказано про це, а також у разі, якщо обов'язковість для сторін положень актів цивільного законодавства впливає з їх змісту або із суті відносин між сторонами». Так могут отступать от актов законодательства эти стороны или нет? Зачем эти двухэтажные конструкции? Для беспредела в экономике и минимизаторства налоговых обязательств, как показывает практика.

Вернемся к оценке проекта № 9035, творцы которого настаивают, что он составлен с учетом результатов работы технической миссии Международного валютного фонда по анализу законодательства Украины, регулирующего вопросы, связанные с эмиссией ценных бумаг и раскрытием информации на фондовом рынке. Однако, к чему фондовый рынок и другие сферы хозяйствования, где с целью упорядочения взаимоотношений между субъектами (участниками) хозяйственных отношений заключаются хозяйственные договоры по правилам ХК? Помнится, у МВФ была несколько иная позиция, а именно — модернизация положений ХК, продолжение кодификации законодательства, а не декодификации и снижение регулирующего потенциала ХК как стержневого акта. Если такие изменения будут проходить через Верховную Раду Украины, то мы можем дожидаться полного уничтожения хозяйственного договорного права, вытеснения (или отмены) понятия «хозяйственный договор». Как метко замечали проф. О.П. Подцерковный и проф. Е.А. Беляневич о проблеме «ликвидации» в законодательстве, «без понятия хозяйственной деятельности и

хозяйственного договора усложнится разграничение юрисдикции, которое будет иметь следствием появление новых споров о подведомственности судебных дел хозяйственным судам» [42]. А может, это и нужно авторам и / или теневым нормопроектантам, стоящим за народными избранниками? А цель — предоставить «пространство для маневра» юристам-«практикам» по работе с «внутренним убеждением» судьи неправовыми аргументами в рамках беспотолковой судебной реформы? В отсутствие определения хозяйственного договора и уточнений его отдельных положений (такое «уточнение» как раз ст. 181 ХК). Ведь процесс «вымывания» термина «хозяйственный договор» из действующего законодательства уже набрал обороты. Так, термин исчез из Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» и новой редакции Хозяйственного процессуального кодекса (заменен цивилистическим искусственным термином «правочин»). Конечно, это сделано под эгидой «унификации», но почему за счет именно хозяйственно-правовой терминологии в угоду цивилистической? Думается, здесь несколько иная цель, чем просто «унификация», которая, как и «европейский опыт», часто служит лишь прикрытием для других интересов.

Системное вымывание хозяйственно-правовой терминологии из действующего законодательства и, как следствие, из судебной практики, уже стало привычным явлением среди нормопроектантов, прежде всего — среди народных депутатов Украины. Их предложения отличны от проектов, субъект представления на рассмотрение которых — Кабинет Министров Украины, а фактический координатор разработки — Министерство экономического развития и торговли Украины. В таких актах, как правило, регулирующий потенциал ХК увеличивается, нормы видоизменяются (а не ликвидируются!) в соответствии с положениями Соглашения об ассоциации с ЕС и других актов законодательства ЕС, или реалий и необходимости упорядочения (либо модернизации) регулирования экономических отношений.

Все вышесказанное как никогда актуализирует вопрос рекодификации законодательства — разработки и принятия ХК Украины в новой, более современной и адекватной экономическим реалиям (вхождение на новые

рынки, устойчивое развитие, реформирование базовых отраслей экономики и т. д.) редакции. Не лишним будет и повышение эффективности мониторинга законопроектов со стороны негосударственной экспертной среды и установления более эффективных коммуникаций такой экспертной среды с государственными институтами, ответственными за разработку проектов актов законодательства. Считаю также необходимым вернуться к идее внесения изменений и дополнений в Хозяйственный кодекс Украины лишь отдельным нормативным актом (по примеру Бюджетного кодекса Украины), а не «солянкой» (как в случае с проектом № 9035).

И тут в который уже раз на пути целеустремленности законопроектантов встает Главное научно-экспертное управление Верховной Рады, в заключении которого от 17.09.2018 отмечено (далее языком оригинала), что «Ряд положень проекту, якими пропонується внести зміни до законодавства України, на наш погляд, не мають безпосереднього відношення до правового регулювання ринків капіталу, що порушує вимоги ст. 90 Регламенту Верховної Ради України. Це, зокрема, стосується змін до ст. 181 Господарського кодексу України». Даже сложно что-то здесь добавить. «Настойчивость» законодателя относительно включения, по выражению Главного экспертного управления, норм, как минимум настораживает. Указанный проект Закона необходимо оценить с точки зрения его коррупциогенности, а также рассмотреть деятельность его создателей с точки зрения коррупционности такого деяния. Пока нет соответствующего механизма, но к этому нужно стремиться. Все законопроекты, направленные на изменение базовых принципов регулирования хозяйственных отношений (например, относительно исключения ст. 181 ХК), должны проходить соответствующую публичную экспертную оценку. По результатам такой оценки акта и деятельности его создателей можно будет узнать много нового и интересного, или вспомнить хорошо забытое старое (см. пример «создания» нашего ГК). Однако по решению Комитета по вопросам финансовой политики и банковской деятельности Верховной Рады законопроект рекомендован к принятию в первом чтении за основу.. Опять попадаем в зависимость от законотворческой лотереи «примут — не примут».

«Жить по законам противно, потому что знаешь, кто их пишет и зачем», — тезис из выступления одного из участников #GlobalVisionSummit (2017) как никогда актуален.

На основании вышеизложенного возникает вопрос: к чему привязать термин перегрев науки в данном контексте? Кажется, близким по смыслу может быть понятие «перегрев экономики», определяемое как ситуация, при которой темпы экономического роста приобретают взрывной неконтролируемый характер и, поглотив все ресурсы частного и государственного сектора, близко подходят к черте, за которой дальнейший устойчивый рост исчерпывает себя и заканчивается рецессией. Думается, что приведенное выше определение может стать основой для попытки сформулировать понятие перегрева науки (отдельно взятой отраслевой юридической науки). Итак, перегрев отраслевой юридической науки — это ситуация, при которой отраслевые исследования приобретают несистемный (хаотичный, но агрессивный) характер и, утратив логическое единство составляющих предмета при одновременном необоснованном его расширении, поглотив все возможности для формулирования новизны в рамках предмета отраслевой юридической науки, близко подходят к черте, за которой такая отрасль знаний исчерпывает себя и заканчивается рецессией и распадом ранее единого отраслевого нормативного массива. Конечно, не принято формулировать «определение через определение», но что такое рецессия (в экономике, например) объяснять не нужно, с небольшой поправкой на возможность применения данного понятия к угасанию (спаду интенсивности) исследований внутри такой отрасли права (или же имитации таких исследований), падение интереса к науке, «отпочкование» «молодых» отраслей и пр. В общем, «рецессия науки» всегда связана с чередой (или комплексом) кризисов.

Развитие правовой (и любой другой) науки подвластно общим законам физики (также, как и законам социологии и экономики). С чем можно сравнить перегрев науки? С астрофизическим явлением возникновения (вспышки) сверхновой звезды — феномена, в ходе которого звезда резко увеличивает свою яркость (не это ли наблюдаем мы с наукой цивилистики сейчас? — *авт.*) на 4—8 порядков с последующим сравнительно медленным затуханием,

что является результатом «катаклизмического» процесса, возникающего в конце эволюции некоторых звезд и сопровождающегося выделением огромной энергии. Взрыв сопровождается выбросом значительной массы вещества из внешней оболочки звезды в межзвездное пространство, а из оставшейся части ядра взорвавшейся звезды, как правило, образуется компактный объект — нейтронная звезда. Аналогичный процесс с разбуханием ГК Украины (или с попытками организовать сходный процесс) может привести к подобному завершению. Хотя и здесь позитив: после «катаклизмического» явления в праве — приведения ГК Украины в нормальное состояние, в «компактный» объект — правовая система Украины вновь обретет логику и стройность. А отраслевой акт (Кодекс) восстановит прежнее системообразующее значение относительно всего массива гражданско-правовых норм.

Предвидя критику данного исследования, отмечу, что, может быть, стоит не пускать круги по воде, а на основании рассмотренных признаков рецессии и возможного распада цивилистики задуматься о будущем собственного детища, «дела всей жизни» и пр. (согласно собственному видению роли и места для них науки гражданского права в их творческой и общественной жизни, а также критиков хозяйственно-правового подхода, например) и попытаться избежать рецессии цивилистики путем возврата к первоначальному предмету, остужения голов идеологов экспансионизма (предметного, терминологического, модельного) и прекращения необоснованного влияния (проникновения) в правовую систему страны, попыток уничтожения (унижения, демонстрации так называемой «несостоятельности», приписывания «антицивилистических» настроений) самобытности других отраслей правовой системы Украины? Находясь под давлением объективных обстоятельств: экономических реалий, потребностей в регулировании НТР и новых общественных отношений, сегодня кажущихся далеким будущим, которое, как известно, не так уж и далеко (с учетом принципа ускорения развития и трансформации этих самых отношений в связи с научно-техническим прогрессом, евроинтеграционных процессов), общество рано или поздно оценит «устремленность», идеологию и последствия перегрева

цивилистики с неблагоприятным для нее исходом. И не последнюю роль здесь сыграет оценка именно привлечения административного ресурса для достижения собственных околонучных целей. Вероятно, цивилистика нарвется на свои же приемы, обращенные против: «научная мысль» изыскателей, питаемых честолюбивыми замыслами сотворения новых отраслей права (и законодательства), просто окончательно разорвет единство предмета гражданского права и нормативный массив Гражданского кодекса, естественно. Фантастика? Поживем, увидим. Задумаются ли над прочитанным противники хозяйственно-правового подхода, «чтоб не оказаться в будущем на задворках не только истории» [43, с. 129], но и дальнейшей профессиональной (научной и практической) деятельности?

Также перегрев привел к неспособности науки отвечать на запросы власти для ускорения принятия необходимых для реформ законов. Во время «Годины запитань до Уряду» в Верховной Раде Украины 16.03.2018 Премьер-Министр Украины В. Гройсман предложил «разработать механизм быстрого принятия важных экономических законов, которые влияют на рост ВВП и экономический рост. Речь идет о новом механизме прохождения законов, влияющих на экономическое развитие. Например, для принятия необходимых 35 законов по существующей процедуре нужно 2—3 года. А экономика не ждет. Люди хотят жить лучше, мы должны производить больше продукции, у нас много задач относительно погашения внешних долгов. Поэтому нам нужно все-таки работать над созданием механизма быстрого принятия экономических законов» [44]. Мониторинг тематических материалов, научных публикаций и публикаций в СМИ показал нулевую активность относительно решения поставленной задачи. Почему?

Вместо этого мы получаем законопроекты, устанавливающие ограничения законодательной инициативы народных депутатов. Казалось бы, в свете рассмотренных примеров это логично, но не стоит спешить. Именно в преддверии Дня Конституции Украины 22.06.2017 группа народных депутатов внесла на рассмотрение Верховной Рады Украины проект Закона о внесении изменений в Регламент Верховной Рады Украины (относительно письма поддержки законопроектов) (рег. № 6640), цель

принятия которого — формирование рационального процесса прохождения нормативно-правовых актов в Верховной Раде Украины. Авторский коллектив отметил, что значительное количество зарегистрированных народными депутатами законопроектов не имеет законодательной перспективы из-за их низкого качества. Однако они затрудняют работу аппарата и комитетов Верховной Рады, создают так называемый законодательный спам. Как правило, такие законопроекты депутаты вносят только с целью саморекламы (см. Пояснительную записку к проекту). Кстати, с этим трудно не согласиться. Но, увы, за хорошими слоганами и правильно сформулированными идеями кроется совсем иное.

Что же предлагают нам народные избранники? Изменение касается ст. 93 Регламента Верховной Рады Украины, в которую предложено внести новую ст. 93-1: «зарегистрированный законопроект нуждается в поддержке народных депутатов количеством, которое с учетом количества депутатов — инициаторов законопроекта, должно быть не менее количества, необходимого для формирования фракции в соответствии со ст. 58 Регламента. Поддержка законопроекта осуществляется путем заполнения письма поддержки законопроекта, который выдается при регистрации законопроекта, подписями народных депутатов». Исходя из пояснительной записки законопроекты, зарегистрированные народными депутатами, обязательно должны передаваться для дальнейшего рассмотрения комитетами Верховной Рады только в случае их поддержки определенным количеством депутатов или правительством. А как насчет других субъектов законодательной инициативы: Президента Украины или НБУ? У кого им получать «согласования»-протекцию? Пропуская анализ положений Пояснительной записки к законопроекту отмечу крайне низкое ее качество и вульгарное отношение к положениям Конституции Украины. Собственно, из этого же исходило и Главное научно-экспертное управление, которое в своем заключении от 12.02.2018 обозначило необходимость отклонения данного проекта.

Но тут напрашивается логичный вопрос: «улучшит» ли законотворческий процесс такое изменение в Регламент Верховной Рады? Однозначно, нет! В «Прогнозе социально-

экономических показателей и других последствий принятия проекта Закона» указано, что предложенные изменения в Регламент Верховной Рады Украины позволят существенно улучшить законодательный процесс и способствовать структуризации парламента. Значит, если отбросить «улучшение» законодательного процесса, то что остается? Верно, структуризация! Хотите продать собственный проект? Договаривайтесь, предлагайте то, что обычно предлагают отдельным народным избранникам или депутатским группам (напрашивается слово «деньги», но я его умышленно опушу), или предлагайте свою «кнопку» с целью отработки предоставленной Вам услуги («письмом-поддержкой») другими народными избранниками — то есть Парламентским большинством, в случае принятия Вашего проекта. Еще можете зайти в Кабинет Министров Украины и обменять опять же легально Вашу «кнопку» (карточку, мандат, как угодно) на тоже самое — листочек поддержки. Вот такие вот технологии улучшения законодательного процесса нам предлагаются. И действительно, если такое предложение найдет голоса в сессионном зале, законодательский процесс однозначно структурируется. В этом нет сомнений. Станет сразу понятно к кому заходить, обращаться, появятся официальные (или полуофициальные) прайсы на листочки поддержки. Законодательский процесс войдет в контролируемое русло.

Обосновано считается, что «только одна из 10 тыс. молекул становится лекарством» [45, с. 20]. Это же утверждение применимо и к законодательному процессу (далеко не все проекты должны становиться законами Украины), и к научному результату (далеко не все идеи должны быть реализованы на практике). Собственно, есть в природе и такие молекулы, которые участвуют в построении вирусов, вызывающих заболевания: от самых невинных (например, сопровождающиеся повышением температуры тела) до смертельных. Собственно, так и в «организме» государства.

Негативным результатом рассмотренных в этой статье признаков перегрева юридической отраслевой науки оказывается отсутствие конкретных предложений по усовершенствованию хозяйственного (публичного экономического) законодательства. Сегодня наука, можно сказать, не способна отвечать на внешние

и внутренние вызовы в плане совершенствования правовой системы государства, обеспечения восстановления и дальнейшего устойчивого развития экономической системы Украины, на запросы органов исполнительной (рассмотренный выше пример) и законодательной власти. Неспособность доктринально сформулировать параметры и направления дальнейшего развития правовой системы вредит также системе судебной (правоприменительной), создает благодатное поле для прикрытия коррупции, снижения эффективности системы хозяйствования и противостояния военно-политическим угрозам. «Основным критерием при кодификации должно быть соответствие... практическим целям, а не спорным концепциям ученых об отраслевой науке права. Предлагаемое некоторыми лицами исключение из системы правового регулирования экономики ХК Украины означало бы и исключение из этой системы больших «научно-государственных кодексов», т. е. не только создание огромной «дыры» в законодательстве, но и выбрасывание результатов большого интеллектуального труда, вложенного как в сам Кодекс, так и в комментарии. И это при постоянных разговорах о ценности интеллектуальной собственности» [46, с. 10].

Стоит согласиться с мнением А. Байдерина, что инициатива об отмене ХК никак не связана именно с качественным обновлением законодательства и вуалирует сведение научных счетов и лоббирование обычных коммерческих интересов новой волны теневого разгосударствления имущества под маской «окончательного разрыва с советским прошлым» [47]. С «советским» ли прошлым борются инициаторы указанных выше процессов декодификации хозяйственного законодательства? Однако, если раньше попытки «сведения счетов» заставляли двигаться науку хозяйственного права в направлении преодоления критических замечаний, то сегодня эти «счеты» — лишь неудачный римейк идей уходящей «старой гвардии» отечественной школы гражданского права. Им (цивилистам) должно быть грустно от осознания факта несостоятельности «продолжателей» (рекрутов, молодого поколения) дела торпедирования ХК.

Подытоживая, можно сказать, что перегрев науки проявляется в неэффективности правовой системы, в отсутствии механизмов

ее совершенствования в адекватные сроки, исходя из вызовов или запросов власти, общества, субъектов хозяйствования и их групп (объединений) по отраслям, сферам экономики и / или отдельным территориям, имеющим специфику промышленного производства (угледобывающие регионы, металлургия), логистики и транспортной системы (приморские территории) и т. д. Перегрев проявляется в искусственной дискуссии (перетягивании) о принадлежности того или иного института к той или иной отраслевой науке и, по итогу, неспособности науки формулировать ответы на поставленные вопросы. Перегрев отображает еще один аспект: панический поиск новизны в отраслевых науках и праве в целом и для диссертационных исследований, и для «научных статей», заплонивших как грибы после дождя возникшие юридические периодические издания, количество которых поражает, а качество? Вопрос открытый. Живя в своем мире, не испытывая внешнего давления и получив в руки передовые юридические издания, издательства, а также места в государственных институтах (лично, путем пристраивания учеников-последователей и прочих лиц, чем-либо обязанных, либо состоящих в деловых отношениях) представители цивилистики используют все способы и рычаги давления на другие (можно сказать и смежные) правовые науки, на всю правовую систему в целом.

Мне бы не хотелось употреблять термин «вредительство» (как и термин «саботаж») относительно дальнейшего развития правовой системы Украины и трансформационных процессов, происходящих не только в последние четыре года, но и с момента обретения страной независимости. Но как еще охарактеризовать спланированные, целеустремленные действия лиц, причастных к дискредитации науки как таковой, девальвации новых знаний, плагиату в «творчестве» и законотворчестве, перегреву науки со всеми вытекающими последствиями: шквалом псевдонаучных статей, бессодержательных диссертаций с искусственной новизной, множением источников закрепления знаний — «научных» изданий юридической направленности и т. д.? Все это — следствие перегрева отдельной отраслевой правовой науки, кипение ее вызвано искусственно, если хотите — административными методами, помноженными на вложенные

ресурсы, которыми представители науки, в данном случае — цивилистики, без контроля со стороны гражданского общества распоряжались. А как распорядились, все мы видим. А на что же, на какой опыт опирались в построении концепта доминирования цивилистики над остальными отраслевыми науками? На опыт «юридической трагедии» 1930—1950 гг. Желаящие могут ознакомиться со статьей В.С. Мартемьянова (опубликована в «Юридической газете», 1991, № 1, перепечатана в научном журнале «Экономика и право» в 2004 г. [48]), где достаточно рельефно объяснено происхождение гегемонии цивилистики и ее перегрева: от кадрового аспекта — откуда вдруг столько специалистов в области гражданского права, то есть в правовой науке, развивающейся с «римских времен», и, казалось бы, уже исчерпанной, с той лишь поправкой, что общественные отношения все же развиваются, и до концептуального, материального аспекта (распределения «часов» на кафедрах) и многое другое. Хотим (можем) повторить? Примет ли, простит ли гражданское (и, в первую очередь, юридическое) общество такое положение вещей? Еще тот вопрос. А вот экономика перманентное торпедирование концепции публичного экономического (хозяйственного) права простит вряд ли. Экономика ошибок в ее правовом обеспечении не прощает, подталкивая общество и государство в таком случае к катастрофе.

2019 год для юридической науки (и общест-венности) пройдет под знаком 15-летия вступления в законную силу Хозяйственного и Гражданского кодексов. Естественным будет появление статей с воспоминаниями «особенностей правотворчества» в период «согласования» и принятия двух кодексов как из среды юристов-хозяйственников, так и цивилистов. К этой теме следует вернуться ближе к концу 2019 года. Естественным будет соприкосновение тематик таких работ в контексте разности подходов и взглядов на этот процесс и оценку его результатов, что, думается, подстегнет интерес к данной проблематике и спровоцирует здоровую (именно здоровую!) дискуссию о дальнейшей кодификации, а может и рекодификации, хозяйственного и гражданского законодательства, к актуализации размежевания предметов регулирования кодексов (а не к согласованию! Все мы знаем, как может прохо-

дить данное «согласование» и в ущерб какому нормативному акту), придания большей самостоятельности ХК и приведение ГК именно к европейской традиции, а не к традиции страны, пользующейся способами нормотвор-

чества, несвойственными для демократических правовых систем Европы и основанными на псевдодемократических евразийских даже не аналогах, а антагонистах по духу, стилю, предназначению и традициям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Реалізація інтеграційного вибору України: правові проблеми, можливі ризики та наслідки: брошура. За ред. О.О. Ашуркова. Донецьк, 2013. 186 с.
2. Илларионов А.Ю. Военная и интеграционная доминанты выборов 2018 в РФ. *Вільне слово*. 23.09.2017. URL: <http://vilneslovo.com/военная-и-интеграционная-доминанты-в/> (дата обращения: 10.11.2018).
3. Ашурков О.О., Дутов М.М., Илларионов О.Ю. Рівень інтеграції України з ЄС і Митним союзом з огляду на стан адаптації вітчизняного законодавства. *Економіка та право*. 2013. № 2 (36). С. 138—148.
4. Илларионов А.Ю. О вкладе в науку и о процентах по этому вкладу (о творческом наследии академика НАН Украины В.К. Мамутова). *Економіка та право*. 2018. № 1 (49). С. 3—14. doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2018.01.003>
5. Глава комитета ВР по вопросам экономической политики: Основное — чтобы все были равны перед законом. ИнтерФакс-Украина. 26.04.2016. URL: <http://interfax.com.ua/news/interview/340168.html> (дата обращения: 19.09.2018).
6. Илларионов А.Ю. Политико-правовые аспекты модернизации хозяйственного законодательства. Ч. 1. Чернигов: Десна Полиграф, 2017. 160 с.
7. Клисторин В.И. Эволюция институтов науки и образования. Почему мы делаем то, что делаем. *Всероссийский экономический журнал «ЭКО»*. 2017. № 5. С. 172—185.
8. Концепция модернизации хозяйственного законодательства на базе Хозяйственного кодекса Украины (проект). *Економіка та право*. 2006. № 2. С. 5—16.
9. Сарбаш С.В. Крупный бизнес пытается впихнуть в ГК даже то, что в него действительно сложно встроить. *Закон*. 2012. № 1. С. 8—18.
10. Бобкова А.Г., Ашурков О.О. Коментар до проекту Закону України «Про основні засади господарської діяльності». *Економіка та право*. 2008. № 2. С. 108—112.
11. Спиваковский В. Будущее уже наступило. Страна просыпается. *Обозреватель: Интернет-ресурс*. 09.07.2017. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/85134-buduschee-uzhe-nastupilo--strana-prosyipaetsya.htm> (дата обращения: 19.09.2018).
12. Ромовська З.В. Відкритий лист юридичній громадськості України. *Економіка та право*. 2002. № 2. С. 131—135.
13. Мамутов В.К. Почему задерживается введение Хозяйственного и Гражданского кодексов. *Економіка та право*. 2002. № 2. С. 135—138.
14. Знаменский Г.Л. Блеск и нищета современной цивилистики. Ч. 1. *Економіка та право*. 2004. № 2. С. 5—10.
15. Знаменский Г.Л. Блеск и нищета современной цивилистики. Ч. 2. *Економіка та право*. 2005. № 1. С. 24—32.
16. Знаменский Г.Л. Блеск и нищета современной цивилистики. Ч. 3. *Економіка та право*. 2005. № 2. С. 5—15.
17. Мельник Р. Предмет адміністративного права. *Право України*. 2018. № 3. С. 159—182.
18. Устименко В.А., Мамутов В.К., Кременовская И.В. Отзыв на монографию Е.В. Петрова «Феноменология административно-хозяйственного права Украины». *Економіка та право*. 2013. № 3 (37). С. 159—162.
19. Адміністративне право України. Академічний курс: Підруч.: У двох томах: Том 1. Загальна частина. Ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голов. ред.). Київ: Юрид. думка, 2004. 586 с.
20. Илларионов О.Ю. Поняття та види організаційно-господарських відносин: окремі проблеми. *Проблеми господарського права і методика його викладання: Зб. наук. пр.* Редкол.: Мамутов В.К. (відп. ред.) та ін. Донецьк: Юго-Восток, ЛТД, 2006. С. 161—170.
21. Клисторин В.И. К столетию падения Запада и заката Европы. *Всероссийский экономический журнал «ЭКО»*. 2017. № 7. С. 162—177.
22. Розовский Б.Г. Мне стыдно быть юристом! *Економіка та право*. 2018. № 1. С. 163—183. doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2018.01.163>
23. Астахова М.А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. *Бюллетень нотариальной практики*. 2006. № 4. С. 2—6.
24. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: учебник. Т. II: Лица, блага, факты. Москва: Юрайт, 2011. 1093 с.
25. Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук). *Советское государство и право*. 1949. № 11. С. 71.

26. Виниченко Ю.В. О соотношении гражданского и экономического оборота. *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2015. Т. 25, № 5. С. 879—887.
27. Мозолин В.П. О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики. *Новое в гражданском законодательстве: баланс частных и публичных интересов: материалы для VII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся*. Отв. ред. Н.Г. Доронина. Москва: Юриспруденция, 2012. С. 9—24.
28. Петрушкин В.А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2014. 417 с.
29. Лаврухин А.Н. Некоторые особенности правового регулирования коммерческой (торговой) деятельности в России. *Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция»*. 2014. № 3. С. 43—48.
30. Юрзин Н.П. Концепция гражданских организационно-правовых отношений: исторический аспект. *Академический юридический журнал*. 2014. № 4 (58). С. 60—65.
31. Красавчиков О.А. К вопросу о предмете регулирования и функциях закона о научно-техническом творчестве. *Вопросы изобретательства*. 1981. № 1. С. 13—17.
32. Красавчиков О.А. Структура предмета гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений. *Теоретические проблемы гражданского права: сб. учен. тр.* Вып. 13. Свердловск, 1970. С. 5—21.
33. Сафонова Е.Ю. Особенности конструкции организационных договоров. *Юридическая наука*. 2012. № 2. С. 81—83.
34. Сафонова Е.Ю. Место и роль организационных договоров в системе гражданско-правовых договоров. *Юридическая наука*. 2012. № 3. С. 48—51.
35. Васева Н.В. Имущественные и организационные гражданско-правовые договоры. *Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. научных трудов*. Свердловск, 1980.
36. Авдеенкова М.П. Кодификация законодательства России: проблемы и перспективы. *Ежегодник истории права и правоведения*. 2002. Вып. 3. С. 91—92.
37. Рахманина Т.Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства. *Журнал российского права*. 2008. № 4. С. 30—39.
38. Ілларіонов О.Ю. Рекодифікація господарського законодавства: проблеми та напрями. *Актуальні проблеми господарського права і господарського процесу: Матеріали круглого столу* (м. Київ, 9 листопада 2018 р.). Київ: Ліра-К, 2018. 260 с.
39. Ілларіонов О.Ю. «Європейський досвід» кодифікації господарського законодавства. *Юридичний вісник України*. № 3. 22—28 січня 2016 р. С. 14 (початок).
40. Ілларіонов О.Ю. «Європейський досвід» кодифікації господарського законодавства. *Юридичний вісник України*. № 4. 29 січня — 4 лютого 2016 р. С. 14 (закінчення).
41. Saenegen R.C. van. The unification of European year: a pipedream? *Europ. rev.* 2006. Vol. 14, No. 1. P. 33—46.
42. Подцерковний О.П., Беляєвич О.А. Кодифікація економічного законодавства — вдосконалення на основі закордонного досвіду і аналізу вітчизняного законодавства. *Голос України*. 13.04.2016. URL: <http://www.golos.com.ua/article/267038> (дата звернення: 10.10.2018).
43. Розовский Б.Г. Про одну велику «неправду», або як не можна вести дискусію. *Право України*. 2001. № 1. С. 127—129.
44. Державні рішення потребують оперативності. Прем'єр пропонує новий механізм ухвалення нагальних економічних законів. *Урядовий кур'єр*. 2018. № 52 (6168). С. 2.
45. Рихтер В.А. Только одна из десяти тысяч молекул становится лекарством. *Всероссийский экономический журнал «ЭКО»*. 2017. № 6. С. 19—31.
46. Мамутов В.К. Заинтересованность и самоусиление. *Економіка та право*. 2017. № 3 (48). С. 3—15. doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2017.03.003>
47. Байдерін О. Чергова ініціатива щодо скасування ГК вуальное зведення наукових рахунків та лобіювання звичайних комерційних інтересів. *Закон і Бізнес*. В-8 (1254). 20—26.02.2016. URL: http://zib.com.ua/ua/121809-cherгова_iniciativa_schodo_skasuvannya_gk_vualyue_zvedennya_.html (дата звернення: 10.10.2018).
48. Мартемьянов В.С. Юридическая трагедия. *Економіка та право*. 2004. № 3 (10). С. 113—120.

Поступила 09.01.2019

REFERENCES

1. Realizatsiia intehratsiinoho vyboru Ukrainy: pravovi problemy, mozhlyvi ryzyky ta naslidky: broshura. Za red. O.O. Ashurkova. Donetsk, 2013. 186 p. [in Ukrainian].
2. Ілларіонов А.Ю. Voennaja i integracionnaja dominanty vyborov 2018 v RF. *Vilne slovo*. 23.09.2017. URL: <http://vilneslovo.com/военная-и-интеграционная-доминанты-в/> [in Russian].
3. Ashurkov O.O., Dutov M.M., Ілларіонов О.Ю. Riven intehratsii Ukrainy z YeS i Mytnym soiuzom z ohliadu na stan adaptatsii vitczyznianoho zakonodavstva. *Економіка та право*. 2013. No. 2 (36). P. 138-148 [in Ukrainian].

4. Illarionov A.Yu. O vklade v nauku i o procentah po jetomu vkladu (o tvorcheskom nasledii akademika NAN Ukrainy V.K. Mamutova). *Ekonomika ta pravo*. 2018. No. 1 (49). P. 3-14. doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2018.01.003> [in Russian].
5. Glava komiteta VR po voprosam jekonomicheskoy politiki: Osnovnoe – chtoby vse byli ravny pered zakonom. *Sajt informacionnogo agentstva "InterFaks-Ukraina"*. 26.04.2016. URL: <http://interfax.com.ua/news/interview/340168.html> [in Russian].
6. Illarionov A.Yu. Politiko-pravovye aspekty modernizacii hozhajstvennogo zakonodatel'stva. Ch.1. Chernigov: Desna Poligraf, 2017. 160 p. [in Russian].
7. Klistorin V.I. Jevoljucija institutov nauki i obrazovanija. Pochemu my delaem to, chto delaem. *Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal "JeKO"*. 2017. No. 5. P. 172-185 [in Russian].
8. Koncepcija modernizacii hozhajstvennogo zakonodatel'stva na baze Hozhajstvennogo kodeksa Ukrainy (proekt). *Ekonomika ta pravo*. 2006. No. 2. P. 5-16 [in Russian].
9. Sarbash S.V. Krupnyj biznes pytaetsja vpihnut' v GK dazhe to, chto v nego dejstvitel'no slozhno vstroit'. *Zhurnal "Zakon"*. 2012. No. 1. P. 8–18 [in Russian].
10. Bobkova A.H., Ashurkov O.O. Komentar do prektu Zakonu Ukrainy "Pro osnovni zasady hospodarskoi diialnosti". *Ekonomika ta pravo*. 2008. No. 2. P. 108-112 [in Ukrainian].
11. Spivakovskij V. Budushhee uzhe nastupilo. Strana prosypaetsja. Internet-resurs "Obozrevatel". 09.07.2017. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/85134-budushee-uzhe-nastupilo--strana-prosypaetsya.htm> [in Russian].
12. Romovska Z.V. Vidkryti lyst yurydychnii hromadskosti Ukrainy. *Ekonomika ta pravo*. 2002. No. 2. P. 131-135 [in Ukrainian].
13. Mamutov V.K. Pochemu zaderzhivaetsja vvedenie Hozhajstvennogo i Grazhdanskogo kodeksov. *Ekonomika ta pravo*. 2002. No. 2. P. 135-138 [in Russian].
14. Znamenskij G.L. Blesk i nishheta sovremennoj civilistiki. *Ekonomika ta pravo*. 2004. No. 2. P. 5-10 [in Russian].
15. Znamenskij G.L. Blesk i nishheta sovremennoj civilistiki. *Ekonomika ta pravo*. 2005. No. 1. P. 24-32 [in Russian].
16. Znamenskij G.L. Blesk i nishheta sovremennoj civilistiki. *Ekonomika ta pravo*. 2005. No. 2. P. 5-15 [in Russian].
17. Melnyk R. Predmet administrativnogo prava. *Pravo Ukrainy*. 2018. No. 3. P. 159-182 [in Ukrainian].
18. Ustymenko V.A., Mamutov V.K., Kremenovskaja I.V. Otzyv na monografiju E.V. Petrova "Fenomenologija administrativno-hozhajstvennogo prava Ukrainy". *Ekonomika ta pravo*. 2013. No. 3 (37). P. 159-162 [in Russian].
19. Administrativne pravo Ukrainy. Akademichnyi kurs: Pidruch.: U dvokh tomakh: Tom 1. Zahalna chastyna. Red. kolehija: V.B. Aver'janov (hol. red.). K.: Vydavnytstvo "Iurydychna dumka", 2004. 586 p. [in Ukrainian].
20. Illarionov O.Yu. Poniattia ta vydy orhanizatsiino-hospodarskykh vidnosyn: okremi problemy. *Problemy hospodarskoho prava i metodyka yoho vykladannia: Zb. nauk. pr.* Redkol.: Mamutov V.K. (vidp. red.) ta in. Donetsk: TOV "Iuho-Vostok, LTD", 2006. P. 161–170 [in Ukrainian].
21. Klistorin V.I. K stoletiju padenija Zapada i zakata Evropy. *Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal "JeKO"*. 2017. No. 7. P. 162-177 [in Russian].
22. Rozovskij B.G. Mne stydno byt' juristom! *Ekonomika ta pravo*. 2018. No. 1. P. 163-183. doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2018.01.163> [in Russian].
23. Astahova M.A. Oborot v grazhdanskom prave: ponjatie, struktura, raznovidnosti. *Bjulleten' notarial'noj praktiki*. 2006. No. 4. P. 2-6 [in Russian].
24. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. Obshhaja chast' : uchebnik. T. II : Lica, blaga, fakty. Moscow : Jurajt, 2011. 1093 p. [in Russian].
25. Bratus' S.N. O ponjatii grazhdanskogo oborota v sovetskom grazhdanskom prave (doklad na zasedanii Sektora grazhdanskogo prava Vsesojuznogo instituta juridicheskikh nauk). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1949. No. 11. P. 71. [in Russian].
26. Vinichenko Ju.V. O sootnoshenii grazhdanskogo i jekonomicheskogo oborota. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii*. 2015. Iss. 25. No. 5. P. 879–887 [in Russian].
27. Mozolin V.P. O makro- i mikropravovom regulirovanii kompleksnykh imushhestvennykh otnoshenij v sfere jekonomiki. V kn. : Novoe v grazhdanskom zakonodatel'stve: balans chastnykh i publicnykh interesov : materialy dlja VII Ezhegodnykh nauchnykh chtenijah pamjati professora S.N. Bratusja. Otv. red. N.G. Doronina. Moscow : Jurisprudencija, 2012. P. 9-24 [in Russian].
28. Petrushkin V.A. Sistemnyj analiz grazhdansko-pravovoj modeli oborota nedvizhimosti : problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra jurid. nauk : 12.00.03. Moscow 2014. 417 p. [in Russian].
29. Lavruhin A.N. Nekotorye osobennosti pravovogo regulirovanija kommercheskoj (torgovoj) dejatel'nosti v Rossii. *Vestnik MGOU. Serija "Jurisprudencija"*. 2014. No. 3. P. 43-48 [in Russian].
30. Jurzin N.P. Koncepcija grazhdanskih organizacionno-pravovykh otnoshenij: istoricheskij aspekt. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal*. 2014. No. 4 (58). P. 60-65 [in Russian].
31. Krasavchikov O.A. K voprosu o predmete regulirovanija i funkcijah zakona o nauchno-tehnicheskome tvorcestve. *Voprosy izobretatel'stva*. 1981. No. 1. P. 13-17 [in Russian].
32. Krasavchikov O.A. Struktura predmeta grazhdansko-pravovogo regulirovanija socialisticheskikh obshhestvennykh otnoshenij. V kn. : *Teoreticheskie problemy grazhdanskogo prava : sb. uchen. tr.* Iss. 13. Sverdlovsk, 1970. P. 5-21 [in Russian].

33. Safonova E.Ju. Osobennosti konstrukcii organizacionnyh dogovorov. *Juridicheskaja nauka*. 2012. No. 2. P. 81-83 [in Russian].
34. Safonova E.Ju. Mesto i rol' organizacionnyh dogovorov v sisteme grazhdansko-pravovyh dogovorov. *Juridicheskaja nauka*. 2012. No. 3. P. 48-51 [in Russian].
35. Vaseva N.V. Imushhestvennye i organizacionnye grazhdansko-pravovye dogovory. *Grazhdansko-pravovoj dogovor i ego funkcii : mezhvuz. sb. nauchnyh trudov*. Sverdlovsk, 1980 [in Russian].
36. Avdeenkova M.P. Kodifikacija zakonodatel'stva Rossii: problemy i perspektivy. *Ezhegodnik istorii prava i pravovedenija*. 2002. Iss. 3. P. 91-92 [in Russian].
37. Rahmanina T.N. Aktual'nye voprosy kodifikacii rossijskogo zakonodatel'stva. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2008. No. 4. P. 30-39 [in Russian].
38. Illarionov O.Yu. Rekodyfikatsiia hospodarskoho zakonodavstva: problemy ta napriamy. V. zb.: *Aktualni problemy hospodarskoho prava i hospodarskoho protsesu : Materialy kruhloho stolu* (m. Kyiv, 9 lystopada 2018 r.). Kyiv : Lira-K, 2018. 260 p. [in Ukrainian].
39. Illarionov O.Yu. "Ievropeiskiy dosvid" kodyfikatsii hospodarskoho zakonodavstva. *Yurydychnyi visnyk Ukrainy*. No. 3. 22–28 sichnia 2016 r. P. 14 (pochatok) [in Ukrainian].
40. Illarionov O.Yu. "Ievropeiskiy dosvid" kodyfikatsii hospodarskoho zakonodavstva. *Yurydychnyi visnyk Ukrainy*. No. 4. 29 sichnia — 4 liutoho 2016 r. P. 14 (zakinchennia) [in Ukrainian].
41. Caenegem R.C. van. The unification of European year: a pipedream? *Europ. rev.* 2006. Vol. 14. No. 1. P. 33-46.
42. Podtserkovnyi O.P., Belianevych O.A. Kodyfikatsiia ekonomichnoho zakonodavstva — vdoskonalennia na osnovi zakordonnoho dosvidu i analizu vitchyznianoho zakonodavstva. *Holos Ukrainy*. 13.04.2016. URL: <http://www.golos.com.ua/article/267038> [in Ukrainian].
43. Rozovskiy B.G. Pro odnu velyku "nepravdu", abo yak ne mozhna vesty diskusiiu. *Pravo Ukrainy*. 2001. No. 1. P. 127-129 [in Ukrainian].
44. Derzhavni rishennia potrebuti operatyvnosti. Premier proponuie novyi mekhanizm ukhvalennia nahalnykh ekonomichnykh zakoniv. *Uriadovi kurier*. No. 52 (6168). P. 2 [in Ukrainian].
45. Rihter V.A. Tol'ko odna iz desyati tysyach molekul stanovitsja lekarstvom. *Vserossiiskij jekonomicheskij zhurnal "JeKO"*. 2017. No. 6. P. 19-31 [in Russian].
46. Mamutov V.K. Zainteresovannost' i samousilenie. *Ekonomika ta pravo*. 2017. No. 3 (48). P. 3-15. doi: <https://doi.org/10.15407/econlaw.2017.03.003> [in Russian].
47. Baiderin O. Cherhova initsiatyva shchodo skasuvannia HK vualiuie zvedennia naukovykh rakhunkiv ta lobiiuvannia zvychaynykh komertsiiynykh interesiv. *Zakon i Biznes*. V-8 (1254). 20-26.02.2016. URL: http://zib.com.ua/ua/121809-cherhova_iniciativa_schodo_skasuvannya_gk_vualyue_zvedennya_.html [in Ukrainian].
48. Martem'janov V.S. Juridicheskaja tragedija. *Ekonomika ta pravo*. 2004. No. 3 (10). P. 113-120 [in Russian].

Received 09.01.2019

О.Ю. Илларионов

Институт економіко-правових досліджень НАН України, м. Київ, Україна

ПЕРЕГРІВ ВІТЧИЗНЯНОЇ ЮРИДИЧНОЇ НАУКИ

У статті розглядається негативний вплив науки цивільного права (цивілістики) на правову систему України внаслідок значного «перегріву» цієї галузевої науки, необґрунтованого розширення її предмета і цілеспрямо-ваного, спланованого заперечення окремими її представниками концепції науки господарського права і Гос-подарського кодексу України як системоутворювального акта щодо усього масиву господарського законодав-ства. Наводяться конкретні приклади деструктивного впливу цивілістики на законотворчу роботу.

Ключові слова: наука, галузева юридична наука, перегрів галузевої юридичної науки, наука господарського пра-ва, наука цивільного права, цивілістика.

O. Yu. Illarionov

Institute of Economic and Legal Researches of the NAS of Ukraine, Kyiv, Ukraine

<http://orcid.org/0000-0003-0985-3838>

OVERHEATING OF SECTORAL LEGAL SCIENCE

The article discusses the negative impact of Civil law science on the legal system of Ukraine due to significant overheating of this industrial science, unreasonable expansion of its subject, constant search for novelty in order to "capture" all new and new areas of regulation. A deliberate and planned denial by individual representatives of Civil law science of the concept of Economic law and the Economic Code of Ukraine as a system-forming act regarding the entire array of economic legislation is noted. Concrete examples of the destructive influence of Civil law on legislative work, and, as a

result, on law enforcement are given. The further impossibility of including new and new norms in the current Civil Code of Ukraine is substantiated, the possibility of its "disintegration" into composite institutions and their registration into separate codified regulations is predicted. The prerequisites for the start of work on the recodification of economic and civil legislation, the adoption of the Economic and Civil Code in new versions are investigated. Based on the experience of the European Union, the impossibility of merely civil-law regulation of contractual relations is shown, as well as the creation of the Unified Civil Code of the European Union in the foreseeable future. It is concluded that economic legislation has the greatest ability to harmonize and contributes to the construction of a single market, the development of uniform harmonized rules of management. The basis for this is the objectivity of the laws of economics, which know no boundaries. Unlike economic legislation, civil legislation reflects the regulation of relations that have historically developed between citizens in a single country, and it is not so susceptible to unification even as a result of globalization processes. At the same time, transferring the experience of other countries in the regulation of civil relations is detrimental to the self-identification of the People of Ukraine and may serve as an additional factor in strengthening threats to national security and sovereignty.

Keywords: science, sectoral legal science, overheating of sectoral legal science, Economic law science, Civil law science.